

Вешняки история и люди

Евгений Горский 2

Е.Ф. Горский. Москва, Издательство «Эргопроект», 2006

Эта книга об истории района Вешняки, о том, как в течение последних трех с половиной столетий протекала жизнь на подмосковных шереметевских землях и в ближайших окрестностях, о людях, живших здесь, о сегодняшнем дне района.

Интересна ли эта книга?

Пожалуй, не для всех. Слышал такое высказывание: история интересна тому, кто ощущает себя гражданином. Я бы добавил, что она интересна тому, кто чувствует себя побегом на ветвях великого дерева людских поколений, многие века произрастающего на Восточно-европейской равнине. История нужна тому, кто хочет научиться рационально строить сегодняшнюю жизнь и заглядывать в будущее. Узнают ли что-нибудь о нас наши внуки и правнуки, если не увидят наших лиц и жилищ, не прочтут наших писем и книг? И мы чувствуем себя деревом без корней, когда не знаем своих предков. Значит, история нужна для общения поколений, для памяти о своем происхождении.

А в остальном можно обойтись и без истории.

Огромное значение для вхождения читателя в предлагаемое повествование имеет представленный в книге иллюстративный и картографический материал.

Приходится сожалеть о том, что здесь мы не можем его представить.

СОДЕРЖАНИЕ

Пролог

1. ГЕОГРАФИЯ И ИСТОРИЯ КРАЯ

НА ГРАНИЦЕ МЕЩЕРЫ

КУСКОВСКАЯ РЕЧКА

ГДЕ ЖЕ ЗНАМЕНИТЫЕ КУСКОВСКИЕ СОСНЫ?

ПОСЕЛЕНИЯ ВАСИЛЬЦОВА СТАНА

Справка

Административно-территориальное деление

Формы владения землей

Виды поселений

ТАЙНА ИМЕНИ ВЕШНЯКОВА

БОЛЬШИЕ ГУЖЕВЫЕ ДОРОГИ

Владимирка, Коломенка

Носовиха – дорога императриц

2. ПРЕДАНЬЯ СТАРИНЫ ГЛУБОКОЙ

Справка

Чины и звания

ЛЕГЕНДЫ ЗНАТНОГО РОДА

РАННИЕ ВЛАДЕЛЬЦЫ КУСКОВА И ОКРЕСТНОСТЕЙ

ИСТОРИЯ ВОСКРЕСЕНСКОЙ ЦЕРКВИ,

ЧТО В ВЕШНЯКОВЕ, И ЕЕ ВЛАДЕЛЬЦЕВ

Создание храма

Храмовые перестройки

Святыни храма

Настоятели храма

3. ГРАФСКАЯ ЛИНИЯ ШЕРЕМЕТЕВЫХ В ИСТОРИИ КУСКОВА

БОРИС ПЕТРОВИЧ

ПЕТР БОРИСОВИЧ

История русского театра

Крепостные Аргуновы в русской живописи

НИКОЛАЙ ПЕТРОВИЧ

ДМИТРИЙ НИКОЛАЕВИЧ

СЕРГЕЙ ДМИТРИЕВИЧ

Справка о создании музея

4. ЖЕЛЕЗНЫЕ ДОРОГИ НА ГРАНИЦАХ РАЙОНА

НИЖЕГОРОДСКАЯ И РЯЗАНСКАЯ ЖЕЛЕЗНЫЕ ДОРОГИ

БИЗНЕС И БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ СЕМЬИ фон МЕКК

5. ДАЧНАЯ ИСТОРИЯ

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ШЕРЕМЕТЕВЫХ И РАЗВИТИЕ РАЙОНА

(ПЕРВЫЙ ЭТАП ФОРМИРОВАНИЯ РАЙОНА)

НОВЫЙ ПОТОК ДАЧНИКОВ

(ВТОРОЙ ЭТАП ФОРМИРОВАНИЯ РАЙОНА)

Предпосылки нового этапа

Организация застройки

Формирование контингента жителей

Состав и численность жителей

Развитие предприятий и учреждений

Вечная тяга за город

6. РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНИКОВ

7. ПРЕОБРАЗОВАНИЯ НОВОЙ ВЛАСТИ (ТРЕТИЙ ЭТАП ФОРМИРОВАНИЯ РАЙОНА)

Новое время – новые люди

Высшая стрелково-тактическая школа командного состава РККА
Центральная военно-техническая школа собаководства Красной Армии

Новая кусковская школа № 10

Новые предприятия

8. ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНА ВОРВАЛАСЬ В ИХ ЖИЗНЬ

Судьбы наших соседей

10-я Кусковская школа

ВОЕННЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ

Воспитанники школы собаководства на фронте

Центральная школа инструкторов снайперского дела

Центральная женская школа снайперской подготовки

Алия Молдагулова

9. КУСКОВСКАЯ «АТЛАНТИДА»:

по следам ушедшего посёлка

10. ВЕШНЯКИ – ВЛАДЫЧИНО:

В. Лебедев и новая застройка района

11. РАЙОН ВЕШНЯКИ ВАО

Дорогой читатель, напишите, пожалуйста, в отзыве, интересна ли вам предлагаемая работа. Стоит ли продолжать публикацию её разделов?

ПРОЛОГ

Серый Лис прошел последний ряд деревьев и осторожно вышел на поляну. Собственно серыми у него были только поверхностные волосы, а под ними, особенно на боках, рос огненно-рыжий подшерсток. Когда Лис прыгал или изгибался – будто рыжие молнии пробегали по его бокам. Все окрестные лисицы сходили с ума по этому окрасу. Вот и теперь, когда он озирался и поворачивался во все стороны, чтобы убедиться в своей безопасности, рыжий подшерсток своим сверканием выдавал его. Но собаки, дремавшие в деревне на солнышке, его не видели, и можно было немного понаблюдать за странными людьми на поляне.

Эти люди давно уже беспокоили Лиса своим непонятным поведением. Где это видано, чтобы норы строили на совершенно открытом месте? Мало этого: вместо того, чтобы зарыться поглубже в землю, люди клали одно бревно на другое, возводя таким образом стены, и покрывали свои норы соломенной горкой, что делало их жилища хорошо заметными даже издалека. А прошлой весной – ой, сколько тут было тогда возни и шума! – на телегах привезли кирпич, бревна и стали возводить высоченную церковь с колокольней. Ну для чего это хорошему охотнику? Конечно, с такой высоты видно гораздо дальше, чем с поваленной липы, на которую Лис иногда забирается, чтобы осмотреть окрестности. Но ведь оттуда не разглядишь в траве зайца, тем более полевку! Так зачем это?

Все это настораживало Лиса. Но было в человеческом поселении что-то такое, что его притягивало сюда. Это запах дыма, идущего из человеческих нор. В нем было что-то от сладковатого запаха перепрелых зерен и травы и что-то от горького запаха вкусной мышьиной шкурки. Он был теплым и слегка едким, что напоминало воздух родной его родительской норы.

Однако пора заняться делом: вчера на озере появились утки. Нет, уж сегодня он не промахнется! Сегодня будет добыча. И Лис, нырнув в лесную тень, неслышно побежал в сторону болотца, окружавшего небольшое озерцо. Только иногда над травой серой змейкой мелькала его спина, да остренькие ушки чутко улавливали все, чем жил лес.

Он уже не думал о людях, о построенной ими церкви... Не знал, да и не смог бы понять Лис, что этой церковью Федор Иванович Шереметев, много повидавший и много переживший на своем веку, обозначил свой путь к покаянию, к Богу. И стройка эта дала начало селу, появившемуся на бывшей Вешняковой пустоши, а через много-много лет по имени этого села назовут новый московский район. Не до этого было нашему серому охотнику – его теперь влекло утиное болотце, которых так много на просторах Мещерской низменности.

1. ГЕОГРАФИЯ И ИСТОРИЯ КРАЯ

НА ГРАНИЦЕ МЕЩЕРЫ

Вешняки, Кусково, Гиреево, Измайлово... Места, где мы живем, находятся как бы на краю лесистой и часто болотистой Мещерской низменности. Она идет от рязанских берегов Оки и лесных владимирских краев.

Некоторые историки связывают название этой низменности с поволжско-финским племенным объединением мещерой, проживавшим на р. Оке. Первое упоминание об этом народе относится к XIII веку [1]. «В области Оки и Верхней Волги в XI – XII вв. жили три финских племени: мурома, меря и весь. Начальная киевская летопись... знает мурому на нижней Оке, мерю – по озерам Переяславскому и Ростовскому, весь – в области Белоозера. В центральной Великороссии... мы встречаем множество рек, названия которых оканчиваются на ва: Протва, Москва

и т. д. Va по-фински значит вода. Название самой Оки финского происхождения: это обрусевшая форма финского joki, что значит «река вообще» [2]. Предполагается, что мещерские племена позже были вытеснены или ассимилированы пришедшими с юго-запада славянскими племенами.

Мещерская низменность подходит с востока к Москве и здесь упирается в московские холмы.

«Значительная часть Москвы расположена на террасах реки Москвы и ее притоков. У реки – три пойменные террасы. Самая древняя, высокая и наибольшая по площади – Ходынская. Терраса сильно расчленена многочисленными речками и ручьями, что и образовало холмы» [3]. Это не только Боровицкий холм, на котором стоит Кремль, или Красный холм. Навстречу Мещере встали Введенский холм (Лефортово), Варварина горка (район Курского вокзала), Швивая горка (район Таганки). Не дают они мещерской водичке попасть в реку Москву, чтобы с ее водами вернуться к милым своим окским берегам, откуда и пришла Мещера. И вглубь земли не уходит вода: близко к поверхности располагается слой суглинков, не пускающих ее туда. Вот и петляет по Измайловскому лесу речка Серебрянка, образуя болотца и наполняя местные пруды. Ручей Черный, что течет из Торлецких прудов на север, преодолев Владимирскую дорогу, обрадовался было свободе своей, но, попав в Серебрянку, закружил вместе с ней...

А сколько озер и прудов в окрестностях! И сейчас в Ивановском, за церковью, сохранился неглубокий пруд, у которого зимой и летом развлекаются ребята. Южнее, у МКАД, есть еще прудики, у которых потерявшие разум автолюбители моют свои машины. При строительстве панельных кварталов в 1970-е годы были засыпаны пруды поселка Владычино. По воспоминаниям жителей, только в конце 1960-х засыпаны два пруда с северной стороны Горьковской железной дороги вблизи платформы Новогиреево. В кусковских угодьях они в большей степени сохранились. Прошли столетия, а пруды эти все также влекут к себе москвичей. И, как и прежде, смотрятся в них молодые березки и липы.

Жаль только, что потеряли мы пруд, который находится на оси канала Большого графского пруда в середине парка. На плане лесхоза он теперь называется Сухой пруд. С.П. Моргунов, работавший лесничим, рассказал, что лет 15 – 20 назад его хотели углубить. Сняли на дне слой глины... и вода пропала.

КУСКОВСКАЯ РЕЧКА

В давние времена на том месте, где теперь по Вешняковской улице мчатся автомобили и степенно движутся троллейбусы, текла речка Чурилиха, которая прорвалась-таки к кузьминскому лесу, а оттуда – в большую реку Москву. Сегодняшним молодым читателям непонятно, о какой такой речке Чурилихе идет

речь. А ведь эта река и сейчас течет вдоль Вешняковской улицы... только – под ней. Газета «Вешняки» когда-то рассказывала, что под нынешней Вешняковской улицей закопан коллектор, по которому в южном направлении стекает бывшая здесь до застройки района в 1968 – 1972 гг. речка Чурилиха. Ее также называли Голяденка, Гольдянка, Пономарка [3]. Говорится об этой реке и в энциклопедии «Москва» [4]: «Берет начало в Перове, протекает через Вешняки-Владычино, дважды пересекает МКАД, переходя через бывшее Косинское болото, выходит на поверхность вблизи Кузьминских прудов, проходит через пруды Верхний и Нижний Кузьминские и Шибаевский (пруд Заиконоспасского монастыря)... Пересекает Курское направление Московской железной дороги и сливается под землей с рекой Нищенкой в районе Люблина».

Но об истоках Чурилихи полной информации не было.

Глядя на географические карты Московской провинции 1774 г. (см. карты на внутренней стороне первой обложки) и другие, ваш автор задавался вопросом: что это за два потока, идущие со стороны Кускова, которые образуют Чурилиху? Недавно я разговаривал со старым жителем Новогиреева, бывшим работником Кусковского химического завода. Этот завод пока располагается (вскоре его должны ликвидировать) близ станции Кусково, со стороны Новогиреева, около большого пруда. Как выяснилось, это естественное озеро. Оно отмечено на всех имеющихся у нас картах. Собеседник рассказал, что в пруду били ключи. Он вспоминал, как мальчишки ловили раков в ручейке, вытекающем из этого озера. Это вспоминалось в связи с нашими рассуждениями о том, что химический завод, основанный в 1880 г., не случайно был расположен именно здесь: процесс переработки нефти требует охлаждения получаемых в технологических установках продуктов. Для этого и использовалась вода из озера. Вытекающий из озера ручей при постройке первых строений завода оказался на его территории. Но собеседник не знал, куда потом девался этот поток.

Эти сведения дополнили Афиногеновы, которые до панельной застройки жили в поселке Кусково на Трудовой улице, рядом с тем местом, где теперь находится Дом культуры «Новогиреево». Им хорошо запомнился ручей, который тек близко от их участка откуда-то из-за полотна Горьковской железной дороги, мимо крайних домов Владычино. Время от времени они наблюдали, что вода ручья становилась окрашенной разноцветными разводами и неприятно пахла. Между собой они называли этот ручей «вонючкой».

Много раз мне говорили, что раки водятся только в проточной воде. Это лишний раз доказывает, что пруд у станции Кусково является естественным природным водоемом, образованным за счет подземных источников (а иначе нефтепереработчики не имели бы надежного источника охлаждения). Вода источников должна найти себе путь слива. Вот и побежал ручей сначала немного на восток (позже – по территории завода), а затем на юг (позже – под железнодорожной насыпью). Ниже по течению в силу природных условий вдоль его русла образовалось болото. Но поток пробивался через заболоченную низину

и выходил из нее речкой Чурилихой. Запахи потока и нефтяные разводы доказывают, что это был тот самый ручей, который проходил через территорию нефтеперерабатывающего завода.

Так мы установили, что истоком Чурилихи являются подземные источники, образовавшие озеро и ручей к северу от станции Кусково.

Говорят: «Лучше поздно, чем никогда». О чём это я? Да, об этом ручье. Только после проведения изложенного «расследования» была найдена публикация последнего владельца Кускова Сергея Дмитриевича Шереметева «Кусково до 1812 года». Похоже на то, что Сергей Дмитриевич в описании родительской усадьбы пользовался какими-то записями свои предков. Так или иначе, но рассказ о доме уединения своего прадеда он начинает следующей фразой: «В тиши Кусковского «Гая» в те годы, когда не раздавалось в нём свистков локомотива, а речка, протекающая из Гиреева, не находила препятствия в полотне железной дороги, когда не было никаких ещё дач, а рощи были гуще и обширнее – старый хозяин Кускова граф Пётр Борисович Шереметев построил здесь приют и убежище под именем Дома уединения». «...речка, протекающая из Гиреева...» Будем считать, что владелец усадьбы ставит штамп «Утверждаю» на нашей работе по реконструкции основного истока Чурилихи.

Что же это за второй ручей, текущий к Чурилихе с запада, со стороны усадьбы? В частности, он достаточно конкретно показан на плане «царствующего града Москвы» (карта на с. 9).

Сегодня мы не видим такого ручья. Но, глядя по карте на цепочку «графских» прудов и прудов «Радуга», естественно предположить, что они имеют (имели) естественный источник (откуда же бралась вода?). Изгиб их линии ассоциируется с привычными изгибами рек по рельефу местности. Наверняка был ручей, на пути которого Шереметев устроил когда-то свой большой пруд, а ниже по течению, за Вешняковским шоссе (ныне улицей Юности), еще три маленьких. И вот выходят книжки, в которых член-корреспондент РАН (Отделение биологических наук) Л.П. Рысин дает разъяснения [3]. Он предлагает карту Кускова, где пунктирной линией показывает ручей, исток которого прячется в глубине Кусковского лесопарка. Автор поясняет: «Это самый плоский лесопарк Москвы, и поэтому весной во многих участках леса стоит вода. Настоящих рек в Кусковском лесопарке нет. Протекавший здесь в прошлом Кусковский ручей имел постоянное течение только в самых низовьях, перед впадением в р. Чурилиху – близ современной Вешняковской улицы. В пределах сохранившегося лесного массива он тек только весной. По желанию графа П.Б. Шереметева в долине Кусковского ручья в 1751 – 1755 гг. был вырыт удлиненный Большой Кусковский пруд площадью 14 га, ставший вместе с каскадом маленьких прудов своеобразной «Кусковской речкой». Пруд питается грунтовыми и атмосферными водами, имеет песчаное дно и окружен живописными травяными пляжами». Нам остается только добавить, что после войны три маленьких прудика этого каскада были

объединены в один, который мы и видим сегодня с улицы Юности около территории МосГУ.

Но с кратковременным существованием ручья «спорит» найденный нами план Москвы 1989 г. Там ручей выглядит вполне явственно.

Ваш автор решил выяснить реальную картину и в середине мая, пошел с попутчиком в Кусковский парк. Есть ручей или нет?

От улицы Юности по южному берегу Большого пруда мы дошли до канала, заканчивающегося маленьким круглым «пятячком». Помнится, что лет 35 назад, когда мы здесь гуляли с друзьями, уровень воды был существенно выше: по этому пруду кружили лодки отдыхающих, заплывших сюда из большого пруда. Возраст и расположение над уровнем воды кустов и молоденьких деревьев показывают, что уже много лет этот уровень существенно ниже прежнего. Наконец мы подошли к юго-западной оконечности Большого пруда, где коротенькая бетонированная протока соединяет Большой пруд с маленьким заливчиком. Тут отпали все вопросы о существовании «исходного» ручья. Вот оно – его узенькое русло, бетонные трубы и мостки для перехода через него гуляющей публики. Правда, по состоянию этих мостков начинает казаться, что историки заблуждаются, утверждая, что в этих местах во время войны не велись боевые действия. Но русло было сухим. Вокруг тоже было уже сухо, поэтому мы беспрепятственно отправились вверх по «реке».

Направление русла совпадает с тем, что показано пунктиром на плане.

«Замазанный» влажный песок, влажный слипшийся слой черных прошлогодних листьев – все указывало на то, что недавно здесь протекала вода. Чем дальше мы уходили от Большого пруда, тем чаще на дне попадались «лужицы». Потом «пунктиром» пошли обводненные участки русла длиной в несколько метров. Так мы дошли до небольшого очень уютного прудика. Но не здесь был исток ручья. С другой стороны пруда его русло продолжалось. Наконец мы дошли до маленького болотца – всего несколько шагов в поперечнике. Вот здесь и начинался наш ручеек.

Какова же природа этого потока, который будто бы заигрывает с нами: вроде бы он есть, и в то же время его нет? Автор располагает отчетом по результатам обследования Кусковского парка, которое выполнено Горсадхозом в 1929 – 30 гг. Из него следует, что верхний почвенный слой леса представляет собой «слоеный пирог», в котором слои суглинка, плохо пропускающего воду, чередуются со слоями песка.

Исходя из этого позволю себе высказать следующую версию. В прошлые века вода, вышедшая из подземных слоев наружу, нашла себе путь стока через Кусковский лес в речку Чурилиху. Со временем наша маленькая речка углубляла свое русло (это делают все реки), пока не «срезала» водоносный слой суглинка и не ушла в песок в полном смысле слова. Теперь она и течет где-то там, в глубине, поддерживаемая своим вторым дном – следующим слоем суглинка. А весной талый снег «переполняет» подземное русло и вода течет по поверхности.

Думается, своей жизнестойкостью, своей помощью в подпитке любимых нами прудов эта маленькая «Кусковская речка» заслуживает того, чтобы мы очистили от мусора ее узенькое русло и каким-то образом напоминали всем гуляющим в парке о бережном к нему отношении.

ГДЕ ЖЕ ЗНАМЕНИТЫЕ КУСКОВСКИЕ СОСНЫ?

Места, где мы теперь живем, раньше были покрыты густыми лесами. В них росли ели, сосны, дубы, липы. Позже прелесть хвойных лесов привлекла сюда помещиков и дачников. Там, где люди вырубали участки леса на дрова, для строительства домов, селились березы, рябины, орешник.

Кусковские сосны я увидел на картине, которая украшает кухню супругов Афиногеновых. Брат Владимира Павловича запечатлел кусочек Кусковского парка примерно в 1935 г. Наличие сосновых расселений подтверждает и найденный нами план Кускова, составленный во времена последнего его владельца Сергея Дмитриевича Шереметева (см. с. 62). На плане показаны три зоны, заросшие соснами. В 1931 г. был опубликован отчет по тщательному обследованию Кусковского парка, проведенному опытно-исследовательской частью, состоящей при Горсадхозе М.О.К.Х. (Треста садового хозяйства). Приведем выдержки из этого отчета.

«Древесная растительность парка представлена, главным образом, сосной, к которой в западной части парка примешиваются дуб и ель. Подлесок обычно отсутствует. Пихта и лиственница встречаются отдельными небольшими участками искусственного порядка. Архитектурная часть Кусковского парка (регулярный сад) более разнообразна составом древесных пород, здесь встречаются: сосна, ель, липа, береза, дуб, серебристый тополь, клен, пихта и единично осина. Всего под насаждениями, исключая архитектурную часть, с господством сосны занята площадь в 161,91 га».

Где же теперь знаменитые кусковские сосны?

Упомянутое обследование показало, что в парке складываются тяжелые для произрастания благородных пород условия. Мы уже упоминали отчет, в котором говорится, что верхний почвенный слой (толщиной примерно 130 см) образует красно-бурый суглинок. Он же лежит и на больших глубинах.

«Морена в парке Кусково... мало водопроницаема, что приводит к сильному выщелачиванию поверхностных слоев почвы, сопровождающемуся обеднением их питательными веществами. Сглаженный рельеф парка не способствует стоку поверхностных осадков, а наоборот, – застаиванию их и проникновению вглубь. Наличие большого количества замкнутых западин, не имеющих совершенно стока, ведет к заболачиванию почвенного покрова. Заболоченные почвы парка не являются благоприятными для произрастания как древесной, так и травянистой растительности. На территории парка производится выпас скота. Он вреден тем, что скот не только уничтожает травянистый покров, за счет которого образуется

перегной, но и утаптыванием уплотняет поверхностный слой почвы. Вследствие этого затрудняется аэрация почвы... В парке отмечено заболевание соснового древостоя раком-серянкой. Ель в парке сохраняется лишь как примесь к основной породе – сосне. На лучших участках ель отличается хорошим ростом, имея в возрасте 80 лет среднюю высоту 24,5 м. Ель сильно страдает от механических повреждений, наносимых гуляющей публикой (затеска, порезы коры и т. п.), практиковалось срезывание вершинок для елок. Дуб очевидно выведен искусственно. Дуб сильно заражен грибными паразитами-трутовиками и дубовой губкой».

Житель довоенных Вешняков Сергей Яковлевич Шагаров рассказал, что незадолго перед Отечественной войной на территории, которую потом занял институт «Сельэлектропроект», а теперь РОСЭП (то есть на южном углу Кусковского парка) появился чугунолитейный завод – отделение завода «Серп и молот». Так вот «от искр, вылетавших из труб завода, обгорали сосны и ели. Так они на этом кусочке территории были уничтожены. Потом место заросло лиственными деревьями».

Можно принять, что таким образом уничтожена часть сосняка. Но ведь большого лесного пожара никто не вспоминает. Значит было произведено еще какое-то наступление на сосну и ель?

В 1920 – 30-х гг. прошлого века (между годами революции и Отечественной войны) шло достаточно интенсивное строительство деревянных домов (причем, бревенчатых) в Вешняках, Кускове, Новогирееве. Об этом рассказывают многие старожилы. Например, Евгений Дмитриевич Иванов, родившийся во Владычине, вспоминает, что члены их семьи в те годы построили два дома в Новогирееве: «Дома тогда строили из сосны, которую рубили тут же, при расчистке участка». В ту пору интенсивно действовали строительные кооперативы. Если мы оттолкнемся от невысокого нравственного уровня наших сегодняшних кооператоров и сложим это с бесконтрольностью довоенного времени, то можно себе представить, что в дело шли сосны не только с собственных участков. К этому нужно добавить и тяжелое военное время, когда обеспечение своих домов теплом (то есть печей дровами) во многом легло на самих жителей. А.В. Муругова, жительница Кускова, вспоминает, что лес на территории нынешнего МосГУ вырубали именно в этот период.

Екатерина Александровна Зосимова работает в Кусковском лесничестве очень много лет. Она вспоминает, что ели и сосны спиливали даже в 1950-х годах. Это делалось официально, от имени Перовского городского совета. Древесина распиливалась и, как она полагает, шла на гробы.

Что же мы имеем сегодня?

Первоначальные леса с преобладанием ели и с большой примесью сосны и широколиственных пород (липы, дуба, клена) здесь давно уже уничтожены. Что касается березняков Кускова, то это типичные вторичные леса центра Русской равнины. Они вырастали там, где первичный лес был уничтожен человеком.

Береза растет быстрее хвойных и широколиственных деревьев, поэтому появляется первой на месте уничтоженного смешанного леса [5].

Сегодня в парке можно любоваться лишь единичными соснами. Вдоль дорожки, соединяющей платформу Чухлинка с Большим прудом, еще живы высаженные когда-то рядком дубы. В остальном – мелколиственные породы с преобладанием березы, липы, клена.

Сейчас во время прогулки по парку возникает ощущение, что он находится в критическом положении. Бывший подлесок из березы, клена, липы, который вырос на месте спиленного сосняка, теперь вытянулся тонкими стволами к небу. Деревья стоят очень плотно. Верхние части кроны «ловят» солнышко, не пропуская его вниз. В их тени не развиваются боковые ветви, юный подлесок, не растет трава. Еще некоторое время, и лес заболит, начнет гнить и падать. Сегодня необходимо, как минимум, заняться его разрядкой, пропустить солнце к земле, дать жизнь нижнему уровню биосообщества.

На территории парка отсутствуют мусоросборники. Тысячи горожан, с большим удовольствием посещающие парк по выходным, не знают, куда бросить упаковку от мороженого или орешков, использованную бутылку. Ни одной урны я не увидел на длинной дороге, идущей от Чухлинка к пруду. Нет их и около пруда. Отсюда понятно, какой «растительностью» покрыта земля Кускова.

Дорогие мои, природа – наш дом. Трудности военного времени – дело объяснимое. Ну а во всем остальном – когда же мы перестанем гадить в своем доме?! Может быть лучше заняться его ремонтом?

ПОСЕЛЕНИЯ ВАСИЛЬЦОВА СТАНА

Справка

Центральными вопросами истории всегда являются вопросы о форме государства, власти, собственности, землепользовании, об отношениях между государством и гражданами, в частности, о гражданских свободах, государственной службе и повинностях. С этими вопросами так или иначе связаны излагаемые дальше факты, судьбы наших персонажей, административно-территориальные преобразования, в частности, отражаемые на картах, с которыми нам приходится заниматься. Поэтому мы должны дать здесь некоторые сведения и короткие пояснения, помогающие воспринимать исторический материал.

Административно-территориальное деление

Важными функциями государства всегда были организация внутренней жизни страны, международные отношения и защита отечества. Для этого содержалась армия и различные учреждения. На их содержание и проведение государственных мероприятий требовались немалые средства. Поэтому еще одной необходимой функцией государства было формирование казны (а для этого – взимание подати с населения) и организация отбывания государственной повинности. Подати и

повинности в разные времена тем или иным образом распределялись на различные группы населения. Одним из инструментов такого распределения и децентрализации выполнения этой государственной функции всегда было создание тех или иных административно-территориальных формирований (округов).

Во второй половине XVI – начале XVIII в. основной административно-территориальной единицей Российского государства был уезд (термин известен с XII в.) [2]. Москва была центром Московского уезда. Нашими соседями на востоке и юго-востоке были уездные центры Богородск (теперь Ногинск), Серпухов...

Уезд состоял из города и сельских обществ, называвшихся станами и волостями. Ими руководили наместники и волостели. Стан – та же сельская волость, только пригородная, ближайшая к уездному городу. Основанием для создания сельских обществ было поземельное тягло – государственное прямое обложение. Тяглом обкладывалась именно земля, а не конкретные люди. Сельским обществам в XVI в. было предоставлено распоряжение крестьянской землей, насколько то требовалось для облегчения им исправного платежа податей (там, где не было частных владельцев земли) [2].

Необходимо обратить внимание на то, что земля не принадлежала сельским обществам, тем более отдельному крестьянину, а только находилась в их хозяйственном распоряжении.

Вешняково, Кусково, Владычино и другие ближайшие к ним поселения находились в восточной части Московского уезда на расстоянии 7 – 9 верст от Москвы и в XVI – XVII вв. входили в состав Васильцова стана.

По реформе Петра I 1708 г. были образованы губернии – укрупненные административно-территориальные образования. Уезды вошли в состав губерний. Изначально были утверждены 8 губерний: Ингерманландская (потом – Санкт-Петербургская), Московская, Киевская, Смоленская, Архангелогородская, Казанская, Азовская и Сибирская. В 1711 г. к ним присоединилась девятая – Воронежская. С 1719 г. губернии делились на провинции, потом – на дистрикты. Во главе губерний поставлены губернаторы, которые выполняли административную, полицейскую, финансовую, судебную функции и были командующими войсками в своих губерниях. Первым губернатором Москвы (1709 – 1711 гг.) был назначен боярин Тихон Никитич Стрешнев.

Следующую губернскую реформу проводила императрица Екатерина II в 1775 г. Территория России была разделена на 50 губерний, которые теперь формировались по количеству населения – 300-400 тыс. ревизских душ каждая. Провинции были ликвидированы, а подразделениями губерний снова стали уезды, но с населением 20-30 тыс. ревизских душ.

Не будем говорить о последующих административно-территориальных преобразованиях, поскольку они практически не коснулись географии московского края. Скажем только, что количество Российских губерний

постепенно увеличивалось. В 1800 г. в России была 41 губерния, а в 1914 г. – 78. Деление на губернии сохранилось до административно-территориальной реформы 1923 – 1929 гг. В 1929 г. Московская губерния преобразовалась в Московскую область.

Формы владения землей

В Московском государстве XVI в. существовало 3 разряда землевладельцев: государь (в 1547 г. состоялось возведение Великого князя Ивана IV в цари), церковные учреждения и служилые люди. Последние получали от государства поместья. Служилых людей прежде всего представляли дворяне. Русское дворянское сословие постепенно формировалось в течение нескольких веков. Оно возникло как наследная родовая функция служилых людей, служащих князю, а потом царю. Название дворяне появилось в XIII в. Так назывались низшие слуги князя, младшие дружинники (в отличие от старших дружинников – бояр), жившие в его доме и исполнявшие разные домашние работы. Далее на примере Шереметевых мы с вами увидим, что обязанность служить государю и отечеству сохранилась за дворянством до самого конца царского правления, и даже графский титул (кстати, полученный за военные успехи) в принципе не освобождал от этого.

Поместьем в Московской Руси назывался участок казенной или церковной земли, данный государем или церковным учреждением в личное владение служилому человеку под условием службы, то есть как вознаграждение за службу и вместе как средство для службы. Подобно самой службе, это владение было временным, обыкновенно пожизненным. Вотчина составляла полную и наследственную земельную собственность своего владельца [2]».

Крестьяне жили на чужих землях – церковных, служивых либо государственных. Крестьянин, снимая тяглый участок у землевладельца или у сельского общества, путем этой частной гражданской сделки вступал в известные обязательства перед государством, принимал на себя всю тяжесть государева тягла, казенных повинностей, падавших на тяглую землю.

Позднее, когда вольные хлебопашцы на чужой земле стали крепостными, государево тягло преобразилось в подушную подать, а арендные условия крестьян с землевладельцами заменились обязательным помещичьим оброком и барщиной. Еще позднее, с отменой крепостного права, крепостные оброк и барщина были заменены выкупными и дополнительными к ним платежами [2].

Виды поселений

Чем отличается сельцо от села? Под селом обычно понимается селение с церковью, в котором находится барская усадьба с дворами причта и иногда несколькими кельями старцев и стариц, нищих, питающихся от церкви, и крестьянские дворы. В XVI в. в наших селах редко бывало больше 10 крестьянских дворов. Вокруг села находились деревни, починки и пустоши,

которые тянулись к этому селу, как к своему церковному и хозяйственно-административному центру. Поселки, возникавшие на нови, на поднятом впервые земельном участке, носили название починков; починок обыкновенно состоял из одного крестьянского двора. Постепенно рядом с ним возникало еще несколько дворов, и образовывалась деревня. В XV – XVI вв. русские крестьяне были вольными хлебопашцами, сидевшими на чужой земле по договору с землевладельцем. Рассчитавшись с землевладельцем, они могли уйти в любое другое место. Пашня забрасывалась или поддерживалась только наездом крестьянами из ближней деревни. Деревенские постройки в том или ином виде оставались и могли послужить будущим поселенцам. А пока это место становилось пустошью. Поселение без церкви, но с двором землевладельца или с какими-либо его хозяйственными постройками с крестьянскими дворами или без них, называлось сельцом [2].

Между Владимирской и Коломенской дорогами в тишине мещерских лесов нашли себе уютное местечко наши села Кусково, Владычино, Найденова-Чурилова-Вешняково. Рядом с ними – села Косино и Тетеревники, сельцо Губино-Гиреево, деревеньки Перово-Пирогово, Крутицы. Вы удивлены двойным названиям знакомых мест? В те времена при описях владений и составлении документов к устоявшемуся названию населенного пункта часто добавляли его предыдущее (историческое) название или уточняли его именем владельца. Так наши Вешняки имели даже тройное название. Все эти поселения вместе с Измайловым селом и прилегающими деревнями входят в состав Васильцова стана.

Кто же владел всеми этими землями?

В Московском государстве того времени существовало 3 разряда землевладельцев: государь, церковные учреждения и служилые люди. В Васильцовом стане были представлены все эти формы владения землей.

Церковные и государственные земли

Владычино (иногда – Владычня) по писцовой книге 1573 – 1574 гг. принадлежало мужскому Златоустовскому монастырю, а после манифеста Екатерины II 1764 г. о секуляризации церковных земель и переводе монастырских крестьян в разряд государственных перешло в ведение государственной Коллегии экономии.

Ивановское примерно в середине XVII в. числится приселком Измайлова и входит вместе с ним в царскую вотчину. Затем, вплоть до революции эти села находились в ведении государственных учреждений [9].

Косино время от времени принадлежало разным категориям собственников. Когда-то Великий московский князь Иван Калита передал это село жене Ульяне, а после ее смерти оно досталось князю Владимиру Андреевичу, двоюродному брату Дмитрия Ивановича Донского («сидевшего на Москве»), сына Калиты. Эти молодые князья всегда были дружны, по-братски вместе создавали и укрепляли

Московскую Русь (Владимиру принадлежал Серпухов, который он сделал крепостью на Оке), вместе воевали с Мамаем на Куликовом поле. Тогда брат Владимир, командовавший засадным полком, в самый тяжелый момент создал перелом в ходе битвы и одолел степняков, спас своего раненого брата. Вдова Владимира Андреевича в 1433 г. в своем завещании отказала Косино Рождественскому монастырю. Но в середине XVI в. Косино оказывается в личной собственности Ладыженских, потом Коржавиных. После них на протяжении почти двух столетий Косино было родовой вотчиной Телепневых.

В 1814 г. село со всеми угодьями переходит Лухмановым. Они много сделали для обустройства села, построили каменную Успенскую церковь. Но из-за возникшего конфликта между крестьянами и Лухмановыми все имение с озерами, лесом и усадьбой в 1851 г. было причислено к государственным имуществам. В 1888 г. усадьбу приобрел с торгов купец М.Е. Горбачев. Он завел здесь ленточную фабрику [10].

В годы советской власти на основе этой фабрики возникло крупное предприятие по производству верхнего трикотажа, сыгравшее большую роль в развитии Косино. Сейчас предприятие практически прекратило свое существование.

Частные поместья

Зеленой полосой от Владимирки до Коломенки, от Гиреевских прудов до Выхино и Жулебино тянулись земли, принадлежавшие поколениям Шереметевых. Был период, когда Выхино и Жулебино вместе с Вешняками достались по наследству внуку Федора Ивановича Шереметева князю Якову, по отцу Одоевскому, потом они стали владением князей Черкасских. Но после замужества дочери А.М. Черкасского Варвары эти поселения с землями в качестве ее приданого снова вернулись к Шереметевым. Мы еще вернемся к этой истории.

В писцовой книге 1573 – 1574 гг. Губино (Гиреево) записано в вотчинном владении Федора Васильевича Шереметева. До этого история селения нам неизвестна. Федор Васильевич (дата смерти по разным источникам 1590 – 1592 гг.) был сыном Василия Шереметева по прозвищу Бес – первого документально известного нам владельца Кускова. Логично предположить, что Федор получил Гиреево от отца, то есть Гиреево принадлежало еще Василию. После Федора Васильевича имение перешло его племяннику Федору Ивановичу, который владел Кусковым и Вешняками.

А.В. Бугров пишет [10], что Гиреево «было отобрано» у Федора Ивановича. «Государевым указом 1614 г. сельцо пожаловали княгине Анне, жене боярина Андрея Ивановича Голицына». Поскольку нет ссылок на источник такого суждения, то мне представляется, что Бугров употреблением неточного слова искажает ситуацию. Указ-то, конечно, мог быть, чтобы официально закрепить сделку. Но об отборе, то есть о каком-то наказании, говорить не следует. И вот почему.

Прошло не более года с того момента, как шестнадцатилетний Михаил Романов

на Земском соборе был избран на престол. Этому избранию весьма способствовал Федор Иванович Шереметев. Не случайно он в составе небольшого посольства затем ездил в Ипатьевский монастырь (близ Костромы), где в это время находились Михаил с матерью, чтобы позвать его на царство [2]. Такие «услуги» обычно не забываются. Тем более среди родственников. А ведь считается, что Шереметевы и Романовы происходят от общих предков. В первые годы царствования Михаила Федор Иванович был главой правительства, чуть ли не первым человеком в Кремле. Так о каком наказании может идти речь? А уж если наказывать, так отбирать все, а не какое-то лесное Гиреево с двумя избами.

Позволю себе предположить, что тут была «полюбовная» сделка.

Шереметевы и Голицыны всегда были близки. Известно уважительное и доверительное отношение Федора Ивановича к Василию Васильевичу Голицыну, двоюродному брату Андрея Ивановича, претенденту на престол в Смутное время [2]. Наверняка был близок Шереметев с другим братом – Иваном Васильевичем Голицыным, коль их подписи стояли рядом на Грамоте при избрании царем Михаила Романова. Так что у Шереметева могли быть основания, чтобы передать Гиреево вдове своего товарища (своей родственнице), а фактически – их сыну Андрею, и сделать их своими соседями по «даче».

Так или иначе, но Андрей Андреевич Голицын стал после матери владельцем Гиреева. Потом имение перешло его сыну и, наконец, внукам Ивану и Федору. Иван и построил в Гирееве церковь Спаса Нерукотворного Образа, освященную в 1718 г., которая и ныне собирает людей со всей округи. Кстати, другой внук Андрея Андреевича – Петр – женившись на Настасье Воротынской, получил в приданое сельцо Перово, где в 1708 г. открылась построенная им Знаменская церковь. Теперь оба эти памятника возвращены Московской Епархии и действуют.

После Голицыных Гиреево часто меняло своих хозяев. Последними были Торлецкие. Тут никогда не было настоящей крестьянской деревни – только дома помещиков, хозяйственные постройки и несколько домиков обслуживающего персонала.

Теперь при взгляде на карту Веселовского (с. 16) нам понятно, почему Кусково и Вешняки обозначены значком села, а Гиреево значком сельца: на момент составления этой карты владельцы первых двух уже поставили церкви, а в Гирееве церкви не было. Она там появилась только в начале XVIII в. Поэтому на картах Московской провинции XVIII в. Гиреево уже обозначено условным знаком села.

Административно-хозяйственным центром владений графов Шереметевых и, я бы сказал, культурным центром всей округи (не говоря пока о его общей культурной ценности), по крайней мере до конца XIX в., было Кусково. Судьба этих мест на протяжении всей истории связана с фамилией Шереметевых. А эта фамилия неразрывно связана с историей и культурой России. Поэтому следующие

разделы мы посвятим Шереметевым, Кускову и Вешнякам. А сейчас поговорим о самом имени селения, давшего имя нашему району.

ТАЙНА ИМЕНИ ВЕШНЯКОВА

В дошедших до нас документах местность Вешняки известна с XIV в. как урочище, а с XV в. – как слобода великокняжеских бортников – сборщиков меда диких пчел [11]. Эту пустошь в середине XVI в. прикупил к своим владениям Иван Васильевич Шереметев, меньшей из двух братьев Иванов, а может быть еще их отец Василий.

Название местечка оказалось роковым. Когда ваш автор изучал карты разных исторических периодов, то обнаружилось, что оно менялось, либо по неизвестному умыслу искажалось.

Посмотрите, пожалуйста, на карты Московской провинции XVIII в., топографическую карту Московской губернии XIX в. – везде название села записано как Вишняки. Человек всегда может ошибиться: кто-то не так расслышал, и более знакомое слово «вишня» оказалось в памяти более сильным, где-то не досмотрел чертежник. Но автором просмотрено более десятка карт, составленных разными учреждениями в разное время – все повально ошибались? В официальном издании «Памятная книжка Московской губернии на 1899 г.», составленном в канцелярии Московского губернатора, в списке железнодорожных станций между платформой Шереметево и платформой Косино находим платформу Вишняки. Здесь же находим сведения о церковно-приходской школе в селе Вишняки. Хотя в сведениях о владениях частных лиц село называется Вешняки. В «Памятной книжке» на 1908 г. платформа называется Вишняки, и в аналогичном издании на 1914 г. это повторяется. Буква е появилась и стала устойчивой во всех документах только в 20-е – 30-е годы XX в., то есть при советской власти. Так кто же прав, а кто неправ?

Вопрос решился только тогда, когда мы нашли текст грамоты от Патриарха Московского и Всея Руси Иосифа, данную им боярину Федору Ивановичу Шереметеву на строительство храма (см. с. 25 – 26): «Бил нам челом... боярин Федор Иванович Шереметев, а сказал: обещался-де он в подмосковной в вотчинной своей деревне в Вешнякове воздвигнути каменный храм во имя Воскресение Христово... [12]». Кто же лучше хозяина знает название своей деревни? Значит все-таки – Вешняково.

В 1862 г. в Санкт-Петербурге был издан фундаментальный труд Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел “Списки населенных мест Российской империи”. В нем наше село записано как Вишняково. Название этого села во множественном числе – Ви(е)шняки (с попеременным написанием) – начинает фигурировать в документах с конца XIX в. и продолжается в советское время.

Может быть кто-то из будущих краеведов узнает, почему столь массовой была

двухвековая ошибка в написании названия нашего Вешнякова, и как оно потом перешло во множественное число. К этому можно принять во внимание очень близкое расположение к нашему Вешнякову (немного дальше по этой же железной дороге) совершенно другого имения под названием

.....
А мы пока постараемся понять, откуда происходит это название. Что означает это необычное вешнее (весеннее) имя?

Подмосковные селения очень часто назывались по имени владельца или первого поселенца, по названию местной церкви, по роду деятельности крестьян или географической особенности местности (например, Речицы, Горки). Дошедшие до нас документы не дают никаких сведений о человеке с фамилией Вешняков. Если бы селу давали имя от слова вешний, то по тем закономерностям словообразования, которые мы можем подметить на карте Подмосковья, его скорее назвали бы «Вешнино», «Вешневка» или просто «Вешнее». Что же это за «вешняк», который настойчиво слышится в названии Вешняково или Вешняки?

Толковый словарь русского языка под редакцией Д.Н. Ушакова (1935 г.) дает три значения этого слова, два из которых могли бы дать название населенному пункту. Одно из них: «вешняк – мельница, действующая только во время весеннего разлива вод». Но по всем картам и описаниям наши Вешняки стояли на суходоле, т. е. на водоразделе, а не на берегу реки, где могла бы стоять мельница. И поблизости не было такой речки, чтобы можно было устроить значимую для округи мельницу – этот вопрос мы уже рассматривали.

А вот другое значение представляется весьма подходящим: «вешняк – окольная весенняя дорога, пролагаемая во время половодья» (такие значения дает в своем словаре и В.И. Даль). У нас достаточно оснований считать эту местность некогда обильной на весенние воды. В.В. Лебедев, руководитель проекта застройки района Вешняки-Владычино, в своей книге [49] вспоминает о месте начала застройки: «На востоке Москвы на заболоченных и частично дачных землях поблизости от Кусковского парка...». Л.В. Семенов пишет в газете «Вешняки» № 1 за 2000 г., что «сооружение каскада прудов (идущих вдоль аллеи Жемчужовой) позволило улучшить гидрогеологическую обстановку на территории Кусковского дворцово-паркового ансамбля, где в связи с высоким стоянием грунтовых вод во время снеготаяния происходило подтопление цокольных помещений дворца, каменной оранжереи и других зданий». Да и сейчас мы видим здесь множество прудов и прудиков. Значит, строение верхних слоев почвы способствует выходу воды на поверхность, растаявший снег не мог быстро впитаться в почву через суглинок, и талая вода надолго заливала дороги. Путникам приходилось направлять свои повозки в объезд, устраивая временную дорогу, вешняк, по более сухому месту, по суходолу... где кто-то поставил первую избу, потом вторую... Но пока это только наше предположение.

БОЛЬШИЕ ГУЖЕВЫЕ ДОРОГИ

Владимирка и Коломенка

Самыми ранними документами, которые донесли до нас официальные системные сведения о поселениях Подмосковья, административно-территориальном делении, земельных владениях и географических характеристиках местности являются писцовые книги и карты, которые стали составляться с XVI в. Одним из фундаментальных источников сведений по историографии Московской Руси признаны работы академика Степана Борисовича Веселовского (1876 – 1952). Мы воспользуемся фрагментом составленной им карты «Московский и Серпуховской уезды XVI – XVII вв. по писцовым книгам», а также другими ранними картами Московской земли.

Обратимся к старинным картам на внутренней стороне обложки. Кусково, Вешняки, Владычино... Мы видим наши селения, расположенными как бы внутри сектора, ограниченного линиями дорог, как радиусы из центра окружности, выходящими из Москвы (автором скопирован только фрагмент восточной части Подмосковья, поэтому для ориентировки территория Москвы условно показана кружочком с буквой М). Это две из нескольких главных московских дорог: севернее (сверху) проходит Владимирская (Богородская), южнее (снизу) – Коломенская (на данных картах их названия не были нанесены). От Москвы в сторону восхода солнца, на расстоянии последнего прощания уезжавших с остающимися, у пыльной Владимирки поднял к небу свой шпиль храм Рождества Иоанна Предтечи. Скрипит ли по дороге крестьянская телега, мчит ли господский экипаж – остановится русский человек, перекрестится, попьет водички из колодца, последний раз обернется на удаляющуюся Москву... и в путь. А вокруг храма раскинулось под низкими крышами село Ивановское. Это много позже петлявшая Владимирка во многих местах спрямилась и в 60-е годы XIX в. уступила свою роль новому Владимирскому шоссе (с 1919 г. – шоссе Энтузиастов), которое в наших краях прошло немного севернее старой дороги. А в XVII – XVIII вв. Владимирка проходила по северным берегам двух Торлецких прудов (карты показывают, что в Торлецкой роще только недавно стало четыре пруда) и выходила к Ивановскому. Это показано на всех старинных картах, и особенно четко на топографической карте Московской губернии 1856 г. Коломенка в этих местах проходила через село Карачарово и деревеньки Выхино и Жулебино. Судя по приправочной книге 1571 г., село Карачарово было к этому времени владением Спасо-Андроникова монастыря. Самые ранние документы, в которых упоминается Выхино, относятся к XVII в. [6].

Как мы видим, на ранних картах лишь дороги придают изображению какую-то

пространственную структурированность. Практически нет каких-либо других географических ориентиров. Думается, это не случайно.

Картографы того времени еще не были вооружены системой координат, покрывающей землю сеткой параллелей и меридианов, и приборами для их определения. Поэтому естественным и удобным ориентиром для определения места нахождения населенного пункта могла стать линия постоянных передвижений людей по данной местности, то есть дорога. В других местах поселения возникали по берегам рек, обеспечивающих передвижение и связь между людьми. В Московии судоходные реки были наперечет, и гужевые дороги были основными «кровеносными сосудами», обеспечивающими жизнь народа и государства. По этим пыльным дорогам тянулись обозы с продуктами, шли в ссылку партии заключенных, неслись упряжки, доставлявшие царские указы. Вдоль дорог возникали почтовые станции и поселения. С другой стороны и дороги тянулись к селениям. Ведь нужен был колодец, чтобы утолить жажду, зерно, чтобы накормить лошадей, крыша для ночлега.

Тогда не было грейдеров и экскаваторов, бульдозеров и асфальтоукладчиков. Дороги не строились, а протапывались. А протапывать их в наших лесных и болотистых краях было ох как не легко! Поэтому дорогу прокладывали только там, где она была очень нужна. Однажды возникнув, дорога существовала долго вне всякой конкуренции. И шли по ней богомольцы, застревали в грязи «высочайшие» экипажи, вставали вдоль нее церкви и кабаки.

Вот так и образовались наши главные московские дороги. Образовались, наверное, тогда, когда и Москвы еще не было, а нужен был короткий и удобный путь из Владимирского княжества в Смоленское, от верховьев Волги к Оке. Но постоянство дорог не следует понимать буквально. Например, с веками менялась гидрология местности: какие-то места заболачивались, и их приходилось обходить, какие-то ручьи пересыхали, и напоить лошадей можно было только у другого водного потока. Менялось состояние растительности: густую рощу, которую надо было обходить, вырубил, и теперь дорогу можно было спрямить. Появлялись новые поселения, возникали частные землевладения...

Часто бывает, что дороги теряют свое значение. Тогда они зарастают травой и стираются в людской памяти. Например, так частично случилось с нашей Носовихой. А Владимирка и Коломенка – существуют и поныне.

Может быть, Владимирку протапывали полки суздальского князя Юрия Владимировича Долгорукого, когда через неизвестный еще истории Москов шли с войной в Новгородское княжество. По этой дороге они должны были и вернуться в Суздаль. Но на западной окраине своего княжества, в селе на реке Москве, решил князь остановиться на отдых и пригласил сюда своего союзника – новгород-северского князя Святослава Ольговича. Тот к этому времени «опустошил населенные племенем голядь верховья реки Протвы, принадлежавшие смоленскому князю Ростиславу Мстиславичу [7]». Ипатьевская

летопись в записи под 1147 г. сохранила короткое послание Юрия к Святославу: «Приходи ко мне, брати, в Москов [8]». В этом послании и увидели мы впервые название нашей сегодняшней столицы. Так и появилась Москва в истории России. А по Коломенской дороге шли в августе 1380 г. из Москвы на встречу с войсками Мамайская, звенигородские, владимирские и другие полки, собранные московским князем Дмитрием Ивановичем. По этой дороге он возвращался Дмитрием Донским после победы на Куликовом поле. Кто знает, может и не были бы мы сегодня русскими, если бы тогда не началось наше освобождение от монголо-татар.

Москва всегда берегла Коломну как свой стратегический форпост на юго-востоке, который прикрывал ее от воинственных южных соседей и обеспечивал речной путь из Москвы в Волгу. В XIV – XV вв. Коломна превратилась в крупнейший торговый центр. Сюда из плодородных рязанских земель и из Камской Болгарии поступали не только хлеб, но и рыба, птица, мед, соль. А с севера новгородские купцы везли из Европы полотно, сукно, вино и металлические изделия [63].

Трудно представить сегодняшнюю экономическую жизнь центральной России без торговых связей Москвы по бывшей Владимирке, ныне Горьковскому шоссе, с Владимиром и Нижним Новгородом и по бывшей Коломенке, ныне Рязанскому шоссе, с Рязанью, Тамбовом и другими городами на юго-востоке.

Давно прошли времена, когда Москва помещалась на Боровицком холме. Ее улицы и переулки вышли за стены Китай-города. Последней линией обороны города стал земляной вал. Внутри вала можно было попасть только через несколько охраняемых ворот – застав, устроенных на главных дорогах. У Таганского холма, где Рогожский вал переходил в Золоторожский камерколлежский вал, расположилась Рогожская застава. Отсюда и расходились Владимирская и Коломенская дороги. Сейчас примерно на этом месте устроены выходы станций метро «Площадь Ильича» и «Римская», а улица Сергея Радонежского переходит в шоссе Энтузиастов. Рядом, ближе к железной дороге, – небольшой скверик с памятником В.И. Ленину. Здесь можно увидеть последнюю память о Рогожской заставе и старом Владимирском пути – столб-указатель «От Москвы две версты».

Следом Коломенки является нынешняя Рабочая улица (бывшая Коломенская), которая через Новорогожскую выходит на Нижегородскую улицу, переходящую в Рязанский проспект.

От Рогожской заставы, между двух больших дорог, шла еще и третья дорога – Носовиха. Ее следом осталась улица Носовиха и Носовихинская площадь, которые можно увидеть на карте Москвы конца XIX – начала XX в. издательства Суворина (см. с. 53).

Носовиха – дорога императриц

Мы многое упустим в изучении жизни края, если не рассмотрим местные пути сообщения – дороги. Дороги в те времена были единственным средством коммуникации между людьми. Нам, пользующимся мобильными радиотелефонами, трудно представить, что для того, чтобы сказать своему соседу пару слов, нужно было запрячь лошадь и съездить к нему или послать письмо. Но письмо приходило к адресату («приезжало» с почтовой каретой или «прибегало» с посыльным) тоже по дороге, и надежность доставки зависела от многих «дорожных» факторов. Есть еще и специфический именно для нашей местности интерес к дорогам. Сегодняшнее шоссе Энтузиастов изменило свою траекторию относительно прежней Владимирской дороги на территории большого Перовского района, а дорога Носовиха вовсе исчезла. А ведь они были тесно связаны с границами помещичьих имений, основными линиями коммуникаций и вообще с историей этих мест.

Где-то в конце XVII в. Петр Алексеевич Голицын женился на Настасье Воротынской и получил за ней в качестве приданого Перовские земли. Он передает их в пользование своему отцу Алексею Андреевичу (внуку Анны Голицыной, которой – помните? – Федор Иванович Шереметев передал Гиреево). Про эти земли в дозорных книгах 1680 г. записано: «От Москвы в пяти верстах подле большой дороги Носовихи; по осмотру церкви нет, а подле кладбища загоны, построены три двора крестьянских, а поселенные крестьяне оказались боярина князя Алексея Андреевича Голицына». В книге «Восточный округ Москвы» читаем: «Голицынские владения (Гиреево и Перово. – Авт.) были удобно соединены между собой дорогой Носовихой, или Вохонской, проходившей между Владимирской и Егорьевской дорогами, начинаясь от той же Рогожской заставы» [23].

В издании «Окрестности Москвы для выбора дач и гулянья» 1880 г. [33] читаем об окрестностях Носовихи: «Вся эта местность почти целое прошедшее столетие процветала и была оживлена великолепными поездками (читай: выездами или поездками – Авт.) русских царей и цариц, бояр и иноземных государей. В то время в Кускове жили графы Шереметевы, в Перове – Разумовские, в Троицком – Румянцевы-Задунайские, в Вишнякове – Одоевские. В настоящее время эти дороги полузабыты».

Может быть, и не было бы многих поездов наших цариц в эти места, и жизнь этого края вообще шла бы иначе, если б не короткая и удобная дорога из Москвы в Перово и Кусково? Но сейчас такой дороги не существует. Была ли она? Какими же дорогами попадали Голицыны в свои вотчины? Каким путем приезжала императрица Елизавета Петровна во дворец к А. Разумовскому? Наконец, на какой дороге цветами и песнями крепостные Шереметевых встречали Екатерину Алексеевну?

Значение этой дороги подтверждает Генеральная карта Московской губернии с показанием казенных селений, почтовых и больших проезжих дорог, составленная в 1845 г. На ней показана и Носовиха. Ваш автор повторил здесь фрагмент этой дороги, относящийся к нашим селениям. Данная карта не отражает реальное расположение сел относительно дороги. Например, мы сейчас выясним, что усадьба Перово стояла не по двум сторонам дороги, как постройки Владычина, а к северу от нее. Но составители карты, как нам представляется, отразили суть ситуации: Носовиха соединяет эти населенные пункты и продолжается в сторону Богородского уезда. Носовиха не относилась к почтовым дорогам как Владимирская и Коломенская, значит, она являлась большой проезжей дорогой.

В первые годы XVIII в. Петр Голицын строит и в 1708 г. открывает в Перове Знаменскую церковь. Теперь она для нас играет роль пространственно-исторического ориентира как почти единственный памятник истории. Второй перовский памятник истории – пруд – появился несколько позже. Пришедшая в 1741 г. к власти Елизавета Петровна уже в 1743 г. приобретает Перово в казну и годом позже дарит его своему фавориту Алексею Григорьевичу Разумовскому. Архитектору Растрелли она заказывает проектирование и строительство здесь дворца. Дворец был построен в 1747 г. на том месте, где сейчас расположен кинотеатр «Владивосток», на берегу пруда [34]. Усадебный ансамбль, включавший дворец, церковь, пруд, дополнялся регулярным парком (остаток которого теперь называется Перовским парком культуры и отдыха). «Каждый свой приезд в старую столицу Елизавета Петровна непременно несколько дней проводит в Перове...» [23]. По какой дороге приезжала императрица?

Мы уже знаем, что Елизавета Петровна в периоды пребывания в Перове любила ездить в Измайлово, в частности, на охоту в Измайловский зверинец. Сегодняшний певец Перова Светлана Калугина пишет [35], что «из Измайловской резиденции прямо к дворцу сквозь заповедную рощу была прорублена проезжая просека (нынешняя Главная аллея)». Татьяна Георгиевна, потомственный житель Перова, любитель его истории, донесла до нас предание о том, что «от Знаменской церкви в тот период была проложена прямая дорога в сторону Владимирки». Думаю, ее не стали бы прокладывать специально, если бы поблизости была достойная дорога, обеспечивающая проезд в Перово с Владимирки. Значит, такого проезда не было. Значит, императрица приезжала из Москвы в Перово не с Владимирской дороги, а именно по Носовихе. Где проходила Носовиха? Татьяна Георгиевна рассказывала, что вокруг церкви Иконы Знамения Пресвятой Богородицы стояли дома людей, которые строили и обслуживали Перовскую усадьбу. Тут жили и ее предки. А проезжая дорога проходила южнее приусадебных построек и южнее графского парка, примерно там (может быть именно там), где теперь около парка проходит Кусковская улица. Ее рассказ в точности подтверждает топографическая карта Московской губернии 1856 г. (см. с. 10).

Карта показывает, что далее на восток Носовиха идет по северной стороне пруда, у которого расположилась деревня Тетерки, и далее... Восстановить расположение дороги на следующем ее отрезке нам помогла книга бывшего директора Кусковского химического завода М.С. Варданяна [36]. Он подробно рассказывает о том, как мешала жизни завода в послевоенный период дорога Носовиха. Нефтеперерабатывающий завод возник здесь в 1880 г. Видимо, первые производственные постройки ставили по сторонам этой дороги. Здесь же селились и рабочие этого предприятия. Прежде был именно такой обычай – застройка вдоль дороги. Когда в советское время завод стал крупным предприятием с большим количеством цехов и вспомогательных строений, его деятельности стала мешать большая проезжая дорога, разделяющая территорию завода на две части. Проблему воссоединения территории завода Варданяну удалось разрешить в 1949 г. на фоне получения заводом важного задания – освоения производства поливинилбутираля. Ради этой работы Перовский исполком пошел навстречу директору и дал разрешение на перекрытие дороги. Но компенсировать это завод должен был прокладкой трехкилометрового участка дороги мимо своей территории до железнодорожного переезда. Новый отрезок Носовихи потом стал началом Перовской улицы. Торжественное перекрытие старой Носовихи заводскими воротами состоялось 18 декабря 1949 г. Если теперь подойти к заводским воротам (они ближе к железной дороге), то виден след Носовихи, проходившей вдоль северного берега озера. Теперь это аллея сквера.

Теперь мы точно знаем, что Носовиха выходила к железнодорожному поезду. Значит, у начала Владычина она делала некоторое колено в южном направлении, а потом снова устремлялась на восток мимо владычинских дворов, а Горьковская железная дорога (тогда – Нижегородская) перерезала Носовиху на месте этого колена, и тут возник переезд. Все старые жители района очень хорошо его помнят. Только недавно на этом месте, у платформы Новогиреево, устроен путепровод. Не иначе как линия старой Носовихи определила направление Кетчерской улицы при новой застройке Вешняков-Владычина?

Московская кольцевая автомобильная дорога снова перерезала «многострадальную» Носовиху. Но ее направление и ее имя теперь несет Носовихинское шоссе.

Однако вернемся во времена наших славных императриц, когда Екатерина II оказала высочайшую милость графу Петру Борисовичу Шереметеву своим посещением его подмосковной усадьбы. Какой дорогой она приезжала в Куково? Вашим автором не найдено конкретных указаний на этот путь. Мы только знаем, что во время празднования в Москве двадцатипятилетия ее царствования «30 июня 1787 г. императрица отправилась в Куково со всем двором и блестящею свитою. При приближении поезда к подъемному мосту стоявший на Большом пруде двадцатипушечный корабль и другие меньшие суда салютовали, а с берегов также гремели пушечные выстрелы» [21]. И.К. Кондратьев [22], описывая

усадьбу, пишет: «Направо от дома – подъемный мост, около которого стоят шесть пушек – трофеи Полтавской битвы... Направо же – дом в голландском стиле». Эти пушки и стреляли при приближении Екатерины. Сотрудники Кусковского музея подтверждают, что парадный въезд в усадьбу находился со стороны Голландского дома, здесь же с давних времен находились пушки. Значит в Кусково приезжали с западной стороны (со стороны Москвы), наверное, по дороге, которая теперь проходит мимо здания лесничества (бывшей школы). В 1920-х гг. XX в. на этой части кусковских земель расстроился поселок железнодорожников. Очень похоже на то, что Главный проспект этого поселка возник на линии той дороги, по которой подъезжали к усадьбе. По планам Кускова XX века он шел не от станции Кусково, как полагается «главному», а вроде как из «ниоткуда», от полотна железной дороги. Почему же его назвали Главным? Видимо, что-то здесь хранило память о «важной» дороге. Наверное, это был участок дороги, проложенный от Носовихи (когда железной дороги еще не было). О наличии такого ответвления говорит и топографическая карта Московской губернии. Значит, Екатерина проезжала здесь! При появлении железной дороги этот путь был отрезан, и к усадьбе теперь подъезжали через переезд у Владычино.

Наши выводы подтверждает следующая запись в книге Пыляева 1891 г.: «Где теперь столбы и шлагбаум, на выезде из кусковской земли в сторону Перова и Опекунова, при повороте к Тетеркам, стоял деревянный столб с надписью, приглашавший посетителей Кускова «веселиться как кому угодно, в доме и в саду». А где был шлагбаум? Нам известен только один шлагбаум в этих местах – у владычинского переезда. Именно здесь и поворот из Кускова и Вешнякова на Перово и Тетерки. Значит, столб стоял здесь. Врядли был смысл ставить столб с таким приглашением на малозначительной дороге местного значения: местных крестьян сюда не приглашали. А потенциальные «благородные» гости (москвичи) могли ехать лишь по популярной большой дороге. Это еще раз подтверждает, что тут проходила Носовиха, имеющая решающее значение для связи этих мест с Москвой.

Как же объясняется название дороги, и где ее след в Москве?

Мы знаем давнюю традицию называть дорогу по тому населенному пункту, к которому она ведет. Поэтому ваш автор отчаянно искал на картах Подмосковья разных лет какую-нибудь Носовиху. Безрезультатно! В Интернете мы нашли текст, подписанный Г. Ереминым: «Давно уже нет деревни Носовихи (Сергеевки и Александровки тож), вошедшей в 1960 г. в состав г. Железнодорожный, но часть старинной дороги, идущей от МКАД, по-прежнему зовут Носовихинским шоссе...» Ссылок на источники не было. Автор будет благодарен читателям, которые смогут указать на достоверные сведения о Носовихе. Телефон редакции дан в конце книги.

Статус и историю этой дороги подтвердил и прояснил «План г. Москва с

пригородами», выпущенный издательством Суворина. На плане не указана дата его выпуска. Но по некоторым объектам на плане мы узнаём, что он мог быть выпущен не ранее появления Курского вокзала, то есть не ранее 1897 года. На плане зафиксировано, что от Рогожской заставы отходит улица Носовиха, которая выходит на Носовихинскую площадь. Могут ли быть сомнения в том, что здесь и начиналась главная дорога «шереметевского» края!

Но дорога оказалась прерванной путевым хозяйством Московско-Курской железной дороги. Перенеся свой взор через это хозяйство на восток, мы увидим Перовский проезд. Название говорит само за себя: тут, севернее Рогожского кладбища, и проходила дорога на Перово. Значит строительство железных дорог, многократно перерезавших Носовиху, стало губительным для старой гужевой дороги. Теперь на нее можно было попасть только с Владимирки, в объезд. Да теперь и императрицы перестали посещать Кусково. Начались другие времена.

Развёрнутое повествование-исследование об истории Владимирской и Носовихинской дорог предложено в книге: Горский Е.Ф. «Гиреево – Новогиреево: судьбы людей, история района». М., «Кучково поле», 2014. Книга имеется в Российской государственной библиотеке и в Исторической библиотеке.

2. ПРЕДАНЬЯ СТАРИНЫ ГЛУБОКОЙ

Справка

Чины и звания

Два высших чина боярина и окольничего имели исключительное значение почетных званий. Лица в звании бояр занимали высшие должности по гражданскому и военному управлению и присутствовали в совете государя – Боярской думе. Им поручалось управление главными приказами; они назначались начальниками, воеводами полков, управляли областями в качестве наместников и воевод, вели дипломатические переговоры с иностранными послами. Они же, как лица, пользовавшиеся доверием государя, назначались воспитателями цесаревичей и состояли при них «дядьками».

Лица в звании окольничих занимали должности того же рода, что и бояре, но с меньшим значением. Окольничие самостоятельно управляли многими приказами, иногда же назначались товарищами к боярам – начальникам приказов.

В XVII в. чин думного боярина также имел преимущественно значение почетного звания. Первоначально же в XVI в. этот чин был названием должности члена совета, дворянина, присутствующего в думе. Чин думского боярина жаловался в XVII в. обыкновенно неименитым людям, второстепенным московским дворянам и лучшим городовым детям боярским.

За думными чинами следуют придворные чины-звания: стольников и стряпчих. Стольничество было первоначально придворной должностью; стольники

прислуживали у стола государя. Стольники занимали довольно видные должности, назначались воеводами, начальниками второстепенных приказов, послами и товарищами послов; им поручались также важнейшие «сыскные дела». Некоторые стольники несли исключительно придворную службу и в XVII в. для отличия от остальных «площадных» стольников назывались «комнатными», или ближними стольниками.

Такое же значение имел чин стряпчего. В качестве придворных чиновников, стряпчие назначались по именной росписи к разным службам при особе государя. Во время праздничных обедов у государя стряпчие служили чашечниками и наравне со стольниками ставили блюда перед боярами и другими ближними людьми. Стряпчие не занимали должностей начальников приказов; они служили на третьестепенных воеводствах, в посольствах – посольскими секретарями [14].

ЛЕГЕНДЫ ЗНАТНОГО РОДА

Род Шереметевых известен с давних времен. Его представители всегда были рядом с московскими властителями и отличались как в военных компаниях, так и в делах государственного устройства. Предком Шереметевых считается Андрей Кобыла, упомянутый в летописи под 1347 г. при дворе московского князя Семена Ивановича [4]. Считается, что Шереметевы и Романовы имеют общих предков, поэтому вопрос о происхождении Шереметевых был актуален в дореволюционной историографии в связи с особым интересом к происхождению царской фамилии (см. родословную таблицу 1 в приложении). На вопрос о происхождении Андрея Кобылы существуют различные взгляды, нашедшие отражение в исторической литературе. Историограф Шереметевых А. Барсуков начинает рассказ о происхождении этой фамилии следующим образом [12]. «23 мая 1686 г. Петр Васильевич Шереметев Большой представил в Разряд поколенную роспись Шереметевых (родословную), которая начинается так: «Род Пруссаго княжения владения Андрея Ивановича, а прозвище ему было Кобыла. Приехал из Прусс от своих пределов владетель Андрей Иванович, а у него был сын Федор Андреевич». Позже один из потомков Андрея Кобылы, герольдмейстер петровского времени, ближайший стольник Степан Андреевич Колычов составил историческую записку о происхождении своего предка. В частности, он повествует, что «в 1283 г., помянутый Гландос Камбила Дивонов сын, из дому Недрона Вадевитовича поколение свое линейно производящий, сам прииде к Московскому великому князю Даниле Александровичу всея России самодержцу, и тот его крестил в закон Греческого исповидания».

Однако достоверность сведений за столь отдаленный период времени всегда вызывала сомнение среди историков.

Кто и в какой степени добросовестно составлял и переписывал документы, на основе которых мы теперь пытаемся составить древние родословные? Часто такие документы писались на основании только устных заверений. Историк Н.П.

Петров по этому поводу пишет следующее [15]. Московским приказным в конце XVII в. «за уничтожением разрядных книг при царе Федоре Алексеевиче доверено принимать сказки от родовитых людей о происхождении их родов и фамилий. А в большинстве родов оказывалось около десятка уже колен в ту пору... (в 1682 г. было уничтожено местничество и в связи с этим сожжены разрядные книги, а знатное дворянство занесено в родословную книгу – Авт.). Недостаточное углубление в смысл первоначальных источников... возбуждало в составителях родословцев желание блеснуть заимствованиями из летописей, в большинстве случаев приурочивая факты не к делу и не только допуская, но любя даже введение легенд... Таковы, например, легенды о родоначальниках-основателях фамилий в Москве, «выезжих из Прус» или «из Литвы», а туда «из Немец» или «от Итальяские страны ветхого Рима». Легендарная основа обыкновенно прикрывает в первом случае «выезжих из Прус», новгородцев... Время происхождения рода – XIII век, например, была пора, когда не существовала Пруссия в смысле самостоятельного государства... Откуда же могли быть в XIII веке прусские подданные или прусская народность? В переработке московских книжников со времени Грозного термин «выезжий из Прус» прямо заменен якобы подходящим выражением «выезжий из Немец». Но, сводя эти два термина в одно и находя в летописях тождественность имен мнимых выходцев из Пруссии или Немецкой земли с новгородскими деятелями, невольно Прусов усматриваешь в загородном конце Новгорода, на Прусской улице. Из нее шла и дорога во Псков, так называемый Прусский путь. И жители этой улицы во все времена... называются прусами».

Мнения историков о происхождении Андрея Кобылы к началу XX в. были условно разделены на две группы. К первой группе были отнесены мнения авторов, поддерживающих русское происхождение Шереметевых. Они образовали два течения: одно выводило Андрея Ивановича Кобылу из Великого княжества Тверского, считая его тверичом, другое – выступало за происхождение его из Новгорода. Ко второй группе были отнесены взгляды, отвергающие российское происхождение шереметевского рода и выводящие его «из Прус» (или «из Немец»)» [16].

Самим продолжателям рода Шереметевых больше импонировала версия о знатном иностранном происхождении их предка. В царствование Павла Петровича (1796 – 1801 гг.) русским родословным людям опять пришлось представлять свои поколенные росписи в правительственное учреждение, именно в Герольдию... «Граф Николай Петрович Шереметев представил в Герольдию «доказательства» о принадлежности к благородному сословию, составленные начальником Архива Коллегии иностранных дел А.Ф. Малиновским. Основанием служила «Историография» Колычова» [12]. Малиновский даже выезжал в Европу для сбора доказательств о происхождении Шереметевых. Но по интонации А. Барсукова, рассказывающего об этом, чувствуется его сильное сомнение в достоверности привезенных доказательств.

Пройдем дальше по «этажам» родословной предков Шереметевых*. «Рядом с московским князем Дмитрием Ивановичем Донским, организатором Куликовской битвы, был сын А. Кобылы боярин Федор Кошка» [4]. П.Н. Петров уточняет, что Федор был пятым сыном Андрея Кобылы, но имен всех сыновей не приводит. У Федора по одним источникам было три сына, по другим – четыре. Один из них был Александр по прозвищу Беззубец.

Далее все известные нам авторы сходятся в том, что «пятым коленом от Андрея Кобылы», внуком Александра Беззубца, был Андрей по прозвищу Шеремет, от которого и пошла фамилия последующих поколений. Но если П.Н. Петров предлагает одну структуру родственных связей, приводящих от Федора Андреевича к Андрею Шеремету, то по текстам других авторов структура выглядит несколько иначе. Мы показываем эту часть родословной по [17].

Эта начальная часть является самой важной и «загадочной» для исследователей. Именно здесь «появляется» Захарий (сын Ивана Кошки), якобы внук которого по имени Роман начинает ветвь будущей царственной династии. Единородство Шереметевых и Романовых (по крайней мере, легенда о единородстве), конечно же, имело большое значение для положения Шереметевых при дворе, для их общественного статуса. Но наш рассказ посвящен той ветви рода, которая пошла от Андрея Шеремета, годы жизни которого приходится ориентировочно на конец XIV – начало XV в.

Кстати, что это за фамилия – Шереметев? Наши читатели наверняка почувствовали в ее звучании что-то непривычное для русского уха. В основе этой фамилии, по Н.А. Баскакову (1979, с. 82), лежит тюркско-булгарское (чувашское) шеремет «бедняга», или тюркско-персидское шир мухаммад «Благочестивый, храбрый Мухаммад» (Гафуров, 1987, с. 212) [11].

Так или иначе, но тюркскоязычное звучание этой клички (потом – фамилии) вызывает у вашего автора недоумение: кто и почему мог дать Андрею, если не «немцу», то новгородцу, живущему в Москве, служащему Ивану III, татарское прозвище? Русскому князю или его ближним это, наверное, не пришло бы в голову. Случайно брошенное каким-то татаринном прозвище вряд ли бы закрепилось за человеком и его потомками документально. Думается, что такое могло произойти только при жизни Андрея (или его предка) среди татар, компактно проживающих в Москве.

В эти годы Русь уже достаточно широко контактировала с юго-восточными соседями и, в частности, с волжскими булгарами, с Казанью. «В условиях усиливавшейся ордынской власти было много массовых выходов тюркоязычных феодалов к русским князьям. После победы Дмитрия Ивановича над Мамаем к нему уходят весьма знатные ордынцы, тесно связанные с булгарами и казанцами, а также с предками татар-мишарей. Из этих выходцев начинает складываться особое служивое сословие, основа будущего российского дворянства» [11].

Становятся обычными смешанные браки даже на уровне князей. Может быть, здесь надо искать истоки фамилии Шереметевых?

А может быть Андрей (понятно, что русское имя получено в Москве при принятии христианского исповедания) или его предки пришли не из Поволжья (Болгарии)?

Вот еще один возможный ход рассуждений. Посмотрев на карту Турции, недалеко от побережья Мраморного моря мы увидим город Бурсу. В материалах по истории Турции и в рассказах сегодняшних гидов сообщается, что прежде этот город носил название Прус (или Пруса). Город Прус стал называться Бурсой якобы в XI в., когда сюда пришли Сельджуки. В другом рассказе сообщалось, что когда в середине XV в. османы захватили Истамбул, султан изменил название города Пруса на Бурса и сделал город столицей (то есть первое название города сохранялось дольше).

Так или иначе, но город Прус существовал в тот период (XI – XV вв.), когда много представителей тюркоязычных народов, в частности, татар, пришло к Московским князьям. Истории известно, что в далекие времена на территорию современной Турции приходили люди из нынешнего Азербайджана и причерноморских территорий. Ничто не могло помешать попасть туда татарам из Крыма или участникам монголо-татарского похода по Кавказу и по южным территориям Европы. Позже потомки татар, осевших в Прусе, пришли в Москву и рассказали, что они «из Прус». Мы знаем, что в Москве инородцы образовывали свои компактные поселения. Это совершенно естественно. Вот здесь, в среде своего родного языка, от своих соплеменников человек и получил кличку Шеремет (может быть и пришел с ней), которая именно в этой среде и закрепились как фамилия.

Оставим истории ее секреты и успокоимся суждением А. Барсукова: «Начальная история наших «выезжих» боярских родов, к которым причисляют и Шереметевых, принадлежит к числу труднейших задач древности русской, доселе остающихся нерешенными, за недостаточностью положительных данных» [12]. Для нас важно то, что во все времена становления и расцвета России, в тяжелые периоды войн и дворцовых переворотов интересам России из поколения в поколение служили умные, решительные и талантливые люди, критериями истины для которых были Честь Родины и Честь своего рода – это представители рода Шереметевых. Здесь мы расскажем о тех из них, чьи дела и судьбы связаны с усадьбой Кусково и его окрестностями.

* По совокупности сведений, зачастую фрагментарных, почерпнутых из многих литературных источников, автором составлена родословная таблица рода Шереметевых. В нее включены только те персонажи, родственные связи и сведения по которым в разных источниках не найдены противоречия. Таблица может дополняться и корректироваться.

РАННИЕ ВЛАДЕЛЬЦЫ КУСКОВА И ОКРЕСТНОСТЕЙ

О тех далеких временах мы не можем прочитать в книгах очевидцев. Печатных мемуаров тогда не выпускалось. Достаточно вспомнить, что первая печатная на Руси книга вышла со станка Ивана Федорова в 1564 г., а современное написание в печатных изданиях было введено только при Петре I. Сведения о ранних владельцах Кускова скрыты в редких и разрозненных архивных материалах, которые надо сначала найти, а потом суметь прочитать. Поэтому в данной статье мы с благодарностью пользуемся сведениями, приведенными в работе кандидата исторических наук И.О. Сурминой и Ю.В. Усовой [17] и в других источниках.

Первым из известных нам владельцев села Кусково был боярин Василий Андреевич Шереметев. Он получил его в начале XVI в. от Александра Андреевича Пушкина в обмен на свою вотчину Алифинцево под Бежецком. Уже тогда в Кусково существовал пруд, но меньших размеров [18].

У Василия Андреевича было шесть сыновей. О Григории и Семене сведений в литературных источниках автором не найдено. О Никите только известно, что в 1564 г. он был убит по велению Ивана Грозного. Иван Васильевич Большой (упомянут в 1540 г. как муромский воевода, участвовавший в отражении набега казанского хана Сафа-Гирея) и Иван Васильевич Меньшой известны как крупные военные деятели XVI столетия. По тем немногим фактам из жизни Федора Васильевича, которые представлены в книге [17], можно предположить, что он обладал другим типом нервной системы, нежели его братья. Будучи, видимо, человеком неглупым, исполнительным, доброго нрава он не обладал свойственным братьям бесстрашием и избегал ситуаций, угрожающих жизни. Он явно был рожден не для подвигов.

Годы царствования Ивана IV Васильевича были тяжелыми на Руси: реформы и казни своих внутренних «врагов», постоянная борьба с Крымским ханством, сожжение Москвы Девлет-Гиреем в 1571 г., боевые действия на востоке и на западе... Иван IV предпринимал три похода против враждебного Москве Казанского ханства. Иван Васильевич Большой был, видимо, активным и полезным участником всех этих походов. Первые два кончились неудачей. Тем не менее, после первого похода Шереметев получил чин окольничего. Во время второго похода Шереметев был ранен, и царь пожаловал ему боярство. Третий поход в 1552 г. царь возглавил самолично. При этом Иван Шереметев Большой был назначен, вместе с князем Воротынским, воеводой отдельного царского полка. В тяжелый для наших воинов момент штурма Казани Шереметев вовремя подоспел к месту боя с подкреплением, и татары были побеждены. Второй раз Иван Васильевич был ранен в бою с крымскими татарами в 1555 г.

Но все ратные подвиги не спасли Шереметева от опалы грозного царя, видевшего

почти во всех окружающих своих врагов. После разгрома боярского правительства Шереметев с прочими боярами был обвинен в намерениях поссорить царя с крымским ханом и брошен в темницу, где терпел жестокие мучения (не правда ли, знакомая нам история?). После освобождения Иван Большой уже не нес воинской службы. Видимо, все пережитое, и недавнее убийство по приказу царя брата Никиты, сильно подорвало его здоровье и дух. В 1570 г. он отправился в Кирилло-Белозерский монастырь и принял иночество под именем Ионы.

Ивана Васильевича Меньшого не постигла опала государя. Он вместе со старшим братом участвовал в Казанских походах, а во время похода в Швецию отличился в бою под Выборгом. В 1557 г. Иван Меньшой стал окольным, а через два года – боярином.

Иван Грозный, добившись больших успехов на Востоке, рассчитывал закрепиться и на берегах Балтийского моря. России нужен был выход к морю (что осуществилось только при Петре I). Но прибалтийские правители, Дания и Швеция боялись укрепления России около своих берегов и всячески препятствовали намерениям русского царя. В 1558 г. Иван IV объявил войну Ливонскому ордену. Эта война растянулась на 25 лет и включала несколько походов русского войска, ответные операции ливонцев, поляков и их союзников. Все это сочеталось с отражением периодических набегов Крымских ханов, намеревавшихся использовать момент ослабления русских.

На этот период пришлось основное время службы Ивана Васильевича Меньшого и его брата Федора Васильевича Шереметевых. Иван Меньшой участвовал во всех трех Ливонских походах и был ранен в бою. Федор в этот период нес службу при дворе Ивана Грозного и был назначен воеводой сторожевого полка.

В 1572 г. в Москве ожидали набега крымского хана Девлет-Гирея. Московское войско своевременно подготовилось к встрече неприятеля и дало хану бой под Серпуховым. В этом бою, в котором крымцы были разбиты, участвовал Иван Меньшой. Полком, стоявшим в Тарусе, командовал Федор. Но во время сражения Федор почему-то бежал с поля боя [17].

В 1577 г. Иван Грозный сам возглавил поход в Литву. Федор Шереметев был при этом начальником сторожевого полка, а затем после взятия ряда прибалтийских крепостей оставлен в Дерпте воеводой вместе с князем Палецким. Тем временем ливонцы достигли соглашения со шведами, и в Первом из известных нам владельцев села Кусково был боярин Василий Андреевич Шереметев. Он получил его в начале XVI в. от Александра Андреевича Пушкина в обмен на свою вотчину Алифинцево под Бежецком. Уже тогда в Кусково существовал пруд, но меньших размеров [18].

У Василия Андреевича было шесть сыновей. О Григории и Семене сведений в литературных источниках автором не найдено. О Никите только известно, что в 1564 г. он был убит по велению Ивана Грозного. Иван Васильевич Большой (упомянут в 1540 г. как муромский воевода, участвовавший в отражении набега

казанского хана Сафа-Гирея) и Иван Васильевич Меньшой известны как крупные военные деятели XVI столетия. По тем немногим фактам из жизни Федора Васильевича, которые представлены в книге [17], можно предположить, что он обладал другим типом нервной системы, нежели его братья. Будучи, видимо, человеком неглупым, исполнительным, доброго нрава он не обладал свойственным братьям бесстрашием и избегал ситуаций, угрожающих жизни. Он явно был рожден не для подвигов.

Годы царствования Ивана IV Васильевича были тяжелыми на Руси: реформы и казни своих внутренних «врагов», постоянная борьба с Крымским ханством, сожжение Москвы Девлет-Гиреем в 1571 г., боевые действия на востоке и на западе... Иван IV предпринимал три похода против враждебного Москве Казанского ханства. Иван Васильевич Большой был, видимо, активным и полезным участником всех этих походов. Первые два кончились неудачей. Тем не менее, после первого похода Шереметев получил чин окольного. Во время второго похода Шереметев был ранен, и царь пожаловал ему боярство. Третий поход в 1552 г. царь возглавил самолично. При этом Иван Шереметев Большой был назначен, вместе с князем Воротыньским, воеводой отдельного царского полка. В тяжелый для наших воинов момент штурма Казани Шереметев вовремя подоспел к месту боя с подкреплением, и татары были побеждены. Второй раз Иван Васильевич был ранен в бою с крымскими татарами в 1555 г.

Но все ратные подвиги не спасли Шереметева от опалы грозного царя, видевшего почти во всех окружающих своих врагов. После разгрома боярского правительства Шереметев с прочими боярами был обвинен в намерениях поссорить царя с крымским ханом и брошен в темницу, где терпел жестокие мучения (не правда ли, знакомая нам история?). После освобождения Иван Большой уже не нес воинской службы. Видимо, все пережитое, и недавнее убийство по приказу царя брата Никиты, сильно подорвало его здоровье и дух. В 1570 г. он отправился в Кирилло-Белозерский монастырь и принял иночество под именем Ионы.

Ивана Васильевича Меньшого не постигла опала государя. Он вместе со старшим братом участвовал в Казанских походах, а во время похода в Швецию отличился в бою под Выборгом. В 1557 г. Иван Меньшой стал окольным, а через два года – боярином.

Иван Грозный, добившись больших успехов на Востоке, рассчитывал укрепиться и на берегах Балтийского моря. России нужен был выход к морю (что осуществилось только при Петре I). Но прибалтийские правители, Дания и Швеция боялись укрепления России около своих берегов и всячески препятствовали намерениям русского царя. В 1558 г. Иван IV объявил войну Ливонскому ордену. Эта война растянулась на 25 лет и включала несколько походов русского войска, ответные операции ливонцев, поляков и их союзников. Все это сочеталось с отражением периодических набегов Крымских ханов, намеревавшихся использовать момент ослабления русских.

На этот период пришлось основное время службы Ивана Васильевича Меньшого и его брата Федора Васильевича Шереметевых. Иван Меньшой участвовал во всех трех Ливонских походах и был ранен в бою. Федор в этот период нес службу при дворе Ивана Грозного и был назначен воеводой сторожевого полка.

В 1572 г. в Москве ожидали набега крымского хана Девлет-Гирея. Московское войско своевременно подготовилось к встрече неприятеля и дало хану бой под Серпуховым. В этом бою, в котором крымцы были разбиты, участвовал Иван Меньшой. Полком, стоявшим в Тарусе, командовал Федор. Но во время сражения Федор почему-то бежал с поля боя [17].

В 1577 г. Иван Грозный сам возглавил поход в Литву. Федор Шереметев был при этом начальником сторожевого полка, а затем после взятия ряда прибалтийских крепостей оставлен в Дерпте воеводой вместе с князем Палецким. Тем временем ливонцы достигли соглашения со шведами, и в Первым из известных нам владельцев села Кусково был боярин Василий Андреевич Шереметев. Он получил его в начале XVI в. от Александра Андреевича Пушкина в обмен на свою вотчину Алифинцево под Бежецком. Уже тогда в Кусково существовал пруд, но меньших размеров [18].

У Василия Андреевича было шесть сыновей. О Григории и Семене сведений в литературных источниках автором не найдено. О Никите только известно, что в 1564 г. он был убит по велению Ивана Грозного. Иван Васильевич Большой (упомянут в 1540 г. как муромский воевода, участвовавший в отражении набега казанского хана Сафа-Гирея) и Иван Васильевич Меньшой известны как крупные военные деятели XVI столетия. По тем немногим фактам из жизни Федора Васильевича, которые представлены в книге [17], можно предположить, что он обладал другим типом нервной системы, нежели его братья. Будучи, видимо, человеком неглупым, исполнительным, доброго нрава он не обладал свойственным братьям бесстрашием и избегал ситуаций, угрожающих жизни. Он явно был рожден не для подвигов.

Годы царствования Ивана IV Васильевича были тяжелыми на Руси: реформы и казни своих внутренних «врагов», постоянная борьба с Крымским ханством, сожжение Москвы Девлет-Гиреем в 1571 г., боевые действия на востоке и на западе... Иван IV предпринимал три похода против враждебного Москве Казанского ханства. Иван Васильевич Большой был, видимо, активным и полезным участником всех этих походов. Первые два кончились неудачей. Тем не менее, после первого похода Шереметев получил чин окольничего. Во время второго похода Шереметев был ранен, и царь пожаловал ему боярство. Третий поход в 1552 г. царь возглавил самолично. При этом Иван Шереметев Большой был назначен, вместе с князем Воротынским, воеводой отдельного царского полка. В тяжелый для наших воинов момент штурма Казани Шереметев вовремя подоспел к месту боя с подкреплением, и татары были побеждены. Второй раз Иван Васильевич был ранен в бою с крымскими татарами в 1555 г.

Но все ратные подвиги не спасли Шереметева от опалы грозного царя, видевшего

почти во всех окружающих своих врагов. После разгрома боярского правительства Шереметев с прочими боярами был обвинен в намерениях посорить царя с крымским ханом и брошен в темницу, где терпел жестокие мучения (не правда ли, знакомая нам история?). После освобождения Иван Большой уже не нес воинской службы. Видимо, все пережитое, и недавнее убийство по приказу царя брата Никиты, сильно подорвало его здоровье и дух. В 1570 г. он отправился в Кирилло-Белозерский монастырь и принял иночество под именем Ионы.

Ивана Васильевича Меньшого не постигла опала государя. Он вместе со старшим братом участвовал в Казанских походах, а во время похода в Швецию отличился в бою под Выборгом. В 1557 г. Иван Меньшой стал окольным, а через два года – боярином.

Иван Грозный, добившись больших успехов на Востоке, рассчитывал закрепиться и на берегах Балтийского моря. России нужен был выход к морю (что осуществилось только при Петре I). Но прибалтийские правители, Дания и Швеция боялись укрепления России около своих берегов и всячески препятствовали намерениям русского царя. В 1558 г. Иван IV объявил войну Ливонскому ордену. Эта война растянулась на 25 лет и включала несколько походов русского войска, ответные операции ливонцев, поляков и их союзников. Все это сочеталось с отражением периодических набегов Крымских ханов, намеревавшихся использовать момент ослабления русских.

На этот период пришлось основное время службы Ивана Васильевича Меньшого и его брата Федора Васильевича Шереметевых. Иван Меньшой участвовал во всех трех Ливонских походах и был ранен в бою. Федор в этот период нес службу при дворе Ивана Грозного и был назначен воеводой сторожевого полка.

В 1572 г. в Москве ожидали набега крымского хана Девлет-Гирея. Московское войско своевременно подготовилось к встрече неприятеля и дало хану бой под Серпуховым. В этом бою, в котором крымцы были разбиты, участвовал Иван Меньшой. Полком, стоявшим в Тарусе, командовал Федор. Но во время сражения Федор почему-то бежал с поля боя [17].

В 1577 г. Иван Грозный сам возглавил поход в Литву. Федор Шереметев был при этом начальником сторожевого полка, а затем после взятия ряда прибалтийских крепостей оставлен в Дерпте воеводой вместе с князем Палецким. Тем временем ливонцы достигли соглашения со шведами, и в Первом из известных нам владельцев села Кусково был боярин Василий Андреевич Шереметев. Он получил его в начале XVI в. от Александра Андреевича Пушкина в обмен на свою вотчину Алифинцево под Бежецком. Уже тогда в Кусково существовал пруд, но меньших размеров [18].

У Василия Андреевича было шесть сыновей. О Григории и Семене сведений в литературных источниках автором не найдено. О Никите только известно, что в 1564 г. он был убит по велению Ивана Грозного. Иван Васильевич Большой (упомянут в 1540 г. как муромский воевода, участвовавший в отражении набега

казанского хана Сафа-Гирея) и Иван Васильевич Меньшой известны как крупные военные деятели XVI столетия. По тем немногим фактам из жизни Федора Васильевича, которые представлены в книге [17], можно предположить, что он обладал другим типом нервной системы, нежели его братья. Будучи, видимо, человеком неглупым, исполнительным, доброго нрава он не обладал свойственным братьям бесстрашием и избегал ситуаций, угрожающих жизни. Он явно был рожден не для подвигов.

Годы царствования Ивана IV Васильевича были тяжелыми на Руси: реформы и казни своих внутренних «врагов», постоянная борьба с Крымским ханством, сожжение Москвы Девлет-Гиреем в 1571 г., боевые действия на востоке и на западе... Иван IV предпринимал три похода против враждебного Москве Казанского ханства. Иван Васильевич Большой был, видимо, активным и полезным участником всех этих походов. Первые два кончились неудачей. Тем не менее, после первого похода Шереметев получил чин окольного. Во время второго похода Шереметев был ранен, и царь пожаловал ему боярство. Третий поход в 1552 г. царь возглавил самолично. При этом Иван Шереметев Большой был назначен, вместе с князем Воротынским, воеводой отдельного царского полка. В тяжелый для наших воинов момент штурма Казани Шереметев вовремя подоспел к месту боя с подкреплением, и татары были побеждены. Второй раз Иван Васильевич был ранен в бою с крымскими татарами в 1555 г.

Но все ратные подвиги не спасли Шереметева от опалы грозного царя, видевшего почти во всех окружающих своих врагов. После разгрома боярского правительства Шереметев с прочими боярами был обвинен в намерениях поссорить царя с крымским ханом и брошен в темницу, где терпел жестокие мучения (не правда ли, знакомая нам история?). После освобождения Иван Большой уже не нес воинской службы. Видимо, все пережитое, и недавнее убийство по приказу царя брата Никиты, сильно подорвало его здоровье и дух. В 1570 г. он отправился в Кирилло-Белозерский монастырь и принял иночество под именем Ионы.

Ивана Васильевича Меньшого не постигла опала государя. Он вместе со старшим братом участвовал в Казанских походах, а во время похода в Швецию отличился в бою под Выборгом. В 1557 г. Иван Меньшой стал окольным, а через два года – боярином.

Иван Грозный, добившись больших успехов на Востоке, рассчитывал укрепиться и на берегах Балтийского моря. России нужен был выход к морю (что осуществилось только при Петре I). Но прибалтийские правители, Дания и Швеция боялись укрепления России около своих берегов и всячески препятствовали намерениям русского царя. В 1558 г. Иван IV объявил войну Ливонскому ордену. Эта война растянулась на 25 лет и включала несколько походов русского войска, ответные операции ливонцев, поляков и их союзников. Все это сочеталось с отражением периодических набегов Крымских ханов, намеревавшихся использовать момент ослабления русских.

На этот период пришлось основное время службы Ивана Васильевича Меньшого и его брата Федора Васильевича Шереметевых. Иван Меньшой участвовал во всех трех Ливонских походах и был ранен в бою. Федор в этот период нес службу при дворе Ивана Грозного и был назначен воеводой сторожевого полка.

В 1572 г. в Москве ожидали набега крымского хана Девлет-Гирея. Московское войско своевременно подготовилось к встрече неприятеля и дало хану бой под Серпуховым. В этом бою, в котором крымцы были разбиты, участвовал Иван Меньшой. Полком, стоявшим в Тарусе, командовал Федор. Но во время сражения Федор почему-то бежал с поля боя [17].

В 1577 г. Иван Грозный сам возглавил поход в Литву. Федор Шереметев был при этом начальником сторожевого полка, а затем после взятия ряда прибалтийских крепостей оставлен в Дерпте воеводой вместе с князем Палецким. Тем временем ливонцы достигли соглашения со шведами, и в следующем году на наше войско обрушились совместные силы союзников. Бой продолжался до ночи, а наутро выяснилось, что главные воеводы, в числе которых находился и Федор, бежали, бросив войско на произвол судьбы.

Как ни странно, но через год, при осаде Полоцка предводителем поляков Стефаном Баторием, Федор Шереметев и Палецкий были направлены туда с отрядом. Под Полоцком они оба были взяты в плен (но через четыре года были выкуплены Москвой). Карьера Федора Шереметева закончилась позже (при вступлении на престол сына Ивана Грозного) в связи с участием в заговоре на стороне Ивана Шуйского. В 1590 г. Федор Васильевич был сослан в монастырь. По некоторым данным в том же, а по другим данным в 1592, году он умер.

Мы не знаем всех земель, какими был одарен от московского государя Василий Шереметев (Бес). Но известно, что, деля свое имущество между сыновьями, он отдал Ивану Меньшому Кусково с пустошью Вешняково, а Федору – Гиреево. Эти поместья, видимо, не были для братьев серьезным источником дохода, поэтому они не очень-то ими занимались. А может быть, время настало такое, что не до загородных лесных владений. Разве что иногда отдохнуть, поохотиться.

Детей у Федора Васильевича не было, поэтому, как представляется, свое Гиреево он завещал племяннику Федору, сыну Ивана Меньшого. А от батюшки Федору Ивановичу досталось Кусково с Вешняковской пустошью. Так Федор Иванович Шереметев стал владельцем земель будущего нашего района.

Первые сведения о службе Федора Ивановича Шереметева относятся к 1591 г., когда он отличился во время обороны Москвы от набега крымского хана. В последующие годы Шереметев служил при дворе. Примерно первая треть деятельной части жизни Федора Ивановича приходится на Смутное время. Это был период страшного потрясения Московского государства, всех его социальных слоев.

После смерти царя Ивана Васильевича Грозного его единственным наследником остался Федор. Читатель, конечно, помнит судьбу двух других сыновей Грозного.

Старшего, Ивана, он убил во время семейной ссоры, другой – маленький царевич Дмитрий – умер, якобы, упав во время игры на нож. Теперь в 1598 г., умирает Федор. Пресечение царской династии, а затем попытки искусственного ее восстановления в лице самозванцев и стали поводом к смуте.

«Коренными причинами Смуты надо признать народный взгляд на отношение старой династии к Московскому государству, мешавший освоиться с мыслью о выборном царе... И московский государь, и народ Московской Руси смотрели на Московское государство как на вотчину княжеской династии, из владений которого оно выросло. Государственный порядок признавался возможным только при государе именно этой династии. Это вызвало и поддерживало потребность воскресить погибший царский род, а эта потребность обеспечивала успех самозванца. И потом самый строй государства с его тяжелым тягловым основанием и неравномерным распределением государственных повинностей, порождавшим социальную рознь – это другая основная причина Смуты. Она превратила династическую интригу в социально-политическую анархию» [2]. В период междуцарствия и Смуты было царствование избранного Земским собором Бориса Годунова и царя-«заговорщика» Василия Шуйского, польского королевича и самозванцев, восстание низших слоев и заговоры высшей московской знати, вхождение в Москву польских отрядов и их изгнание, столкновение интересов и образов мышления разных групп и разных классов населения России. Смута прекращается с того времени, когда земские чины, собравшиеся в Москве в начале 1613 г., избрали на престол родоначальника новой династии – царя Михаила Романова.

Мы призываем читателей, не очень хорошо знакомых со всеми обстоятельствами этого тяжелого периода, не судить сгоряча о поступках людей – участников этих событий. А одним из активных персонажей этого исторического периода был наш Федор Иванович Шереметев.

В 1598 г., после пресечения династии потомков Ивана Калиты, он вместе с другими знатными лицами подписал грамоту об избрании на царство Бориса Годунова. Напомним, что последний был фактическим правителем при боленном царе Федоре (Годуновы – младшая ветвь старинного московского боярского рода, шедшего от выехавшего из Орды в Москву при Калите мурзы Чета). Большое боярство ожидало, что Годунов не повторит режима самовластного правления, которое было при Грозном, превратит Земский собор в постоянное народное представительство, даст законную основу боярским и дворянским привилегиям.

Но когда они увидели, что их надежды обмануты, они решили тайно действовать против него [2].

Борис Годунов предпринял ответные меры: репрессии обрушились прежде всего на боярский кружок с Романовым во главе и на всех родственников Романовых. Шереметевы состояли с Романовыми в родстве, и у Федора Ивановича были отняты палаты в Кремле и рязанское имение. В 1601 г. Шереметев был удален из

Москвы и отправлен воеводой в Тобольск, где пробыл до 1603 г.

Когда после кончины Годунова престол перешел к его сыну Федору, большое число дворян сочло выгодным принять сторону Лжедмитрия I. В их числе был и Федор Иванович Шереметев. Лжедмитрий, вступив в Москву, и принял венчание на царство от патриарха Игнатия. Снял опалу с семей, бывших неугодными Годунову, и Шереметев получил боярский чин.

Потом Шереметеву пришлось брать штурмом Астрахань, чтобы пресечь волнения, спровоцированные там еще одним царевичем-самозванцем, отбивать поволжские города, занятые Лжедмитрием II. После низложения Василия Шуйского Шереметев входил во временное боярское правительство, так называемую «Семибоярщину», и при обсуждении вопроса о кандидатах на царский трон был сторонником избрания Василия Васильевича Голицына или Михаила Романова. Однако победило мнение приверженцев польского королевича Владислава, и Шереметев, подчиняясь решению большинства, вместе с другими присягнул новому царю.

После того, как Москва была освобождена от поляков (все помнят в связи с этим имена Кузьмы Минина и Дмитрия Пожарского), снова были назначены выборы царя. На этот раз мнение Шереметева победило, и на престол был избран Михаил Федорович Романов.

В мае 1613 г. доверенными людьми, ближайшими к престолу, была составлена Грамота об избрании на Российский престол «царем и самодержцем Михаила Федоровича Романова-Юрьевых». В ней, в частности, было записано, что цари Росийские происходят от Великого Господа Бога, и давалось обещание верно служить царю.

Под текстом грамоты поставлено около 140 подписей. Первыми подписались высшие духовные лица – митрополиты, архиепископы, архимандриты. Из светских людей первыми подписались бояре, затем стольники (в том числе князья) и прочие князья и знатные люди. И в числе первых шести боярских имен стоят имена князя Федора Мстиславского, князя Ивана Голицына, Федора Шереметева, князя Ивана Одоевского.

Шестнадцатилетний юноша конечно же не мог управлять государством, его отец Филарет был в плену у поляков, поэтому один из ближайших по родству людей, Федор Шереметев, стал главой правительства при малолетнем государе, фактически правя страной от его имени.

В 1617 г. при активном участии Федора Ивановича начались переговоры с поляками о перемирии. Они растянулись до 1634 г., когда Шереметеву путем уступки нескольких городов (в том числе Смоленска) все-таки удалось добиться окончательного отказа королевича Владислава от московского престола.

А личная жизнь Шереметева складывалась неудачно. Еще в 1613 г. умерли его первая жена Ефросинья и новорожденный сын. В 1616 г. умерла вторая жена Ирина Борисовна Черкасская, а в 1623 г. скончался от болезни его любимый единственный сын от второго брака. Последним его утешением стала дочь

Евдокия от третьей жены Марьи Петровны.

Федор Иванович Шереметев, конечно же, был близок с князем Иваном Никитичем (Большим) Одоевским, известным деятелем времен Шуйского и междуцарствия. И нет ничего удивительного в том, что дети их – Евдокия Шереметева и Никита Иванович Одоевский – решили повенчаться. И уж, наверное, был счастлив стареющий воин, когда Евдокия принесла ему внука Якова. Ему он оставляет свое Вешняково и возведенную здесь церковь. Помните, еще в 1614 г. Федор Иванович отдал свои гиреевские земли вдове своего приятеля Андрея Голицына, а, по-существу, его сыну? Кусково он оставил двоюродному племяннику Василию Петровичу. И вот теперь отдал Вешняково внуку.

Мы не знаем, о чем молил Бога Федор Иванович, когда обустроивал пустошь Вешняково и возводил там храм. Но думается, тут не обошлось без обычного родительского намерения сделать для своих потомков уютное «гнездышко» и пожелать им более счастливой, чем у него, жизни. Пусть молодежь становится на ноги и обзаводится хозяйством – ему, старику, уже ничего не нужно.

Федор Иванович постригается в иноческий чин и с именем Феодосий уходит в Кирилло-Белозерский монастырь, где в 1650 г. отходит к Господу.

О жизни Василия Петровича Шереметева мы не нашли каких-либо сведений. Известно только, что он умер в 1659 г. и оставил кусковские владения своему сыну Петру.

Петр Васильевич Шереметев был прозван современниками Большим за воинские доблести, твердую и властную руку в воеводстве [19]. Служба его началась в 1644 г. при дворе Михаила Федоровича. Петр Васильевич был стольником и служил при дворе до 1654 г., когда отправился в поход против польского короля. В эти годы молодому царю Алексею Михайловичу не было еще 25 лет. После государственных дел он был не прочь погулять в компании сверстников, позабавиться соколиной охотой. Может быть, именно Петр пригласил царя поохотиться в окрестностях своих кусковских владений, когда тот заезжал в Вешняково к Одоевским. Но о царской охоте – чуть позже.

В 1656 г. Шереметев участвовал в осаде Риги во время шведского похода царя Алексея Михайловича. В этом же году Шереметев получил боярство и был направлен воеводой в Вязьму. Примерно в 1664 г. Шереметев был назначен воеводой в Киев. В то время в Малороссии шла непрерывная борьба гетманов за власть. С другой стороны они постоянно противились московской власти и готовы были платить дань крымскому хану и турецкому султану с тем, чтобы турки и крымцы поддержали их в борьбе против Москвы. Шереметеву приходилось то уговорами и уразумениями, то с помощью военной силы предотвращать волнения, смуты и наводить порядок. В 1671 г. Шереметев участвовал в разгроме войск соратников Степана Разина под Симбирском. Добросовестная и плодотворная служба Петра Васильевича не осталась не

замеченной царем Алексеем Михайловичем, и Шереметев был награжден несколькими вотчинами. В последующее время он был воеводой в Новгороде и Тобольске, служил попеременно в Москве и Малороссии.

Петр Васильевич был женат на Анне Федоровне Волынской и имел от нее пятерых сыновей и дочь. Небольшая его кусковская вотчина служила «охотной забаве». Село тогда включало несколько дворов, барский дом под соломенной крышей да деревянную церковь на берегу пруда. Это село с прилегающими угодьями Петр Васильевич оставил своему сыну Владимиру.

* * *

Здесь можно подвести черту под условным первым этапом истории Шереметевых и их владений в восточном Подмоскovie. Второй этап будет ознаменован расцветом Кускова и превращением его в загородный культурный центр Москвы. А пока вернемся лет эдак на 40 – 45 назад в село Вешняково, где Федор Иванович Шереметев начинает строительство церкви – своей каменной «исповеди».

ИСТОРИЯ ВОСКРЕСЕНСКОЙ ЦЕРКВИ, ЧТО В ВЕШНЯКОВЕ, И ЕЕ ВЛАДЕЛЬЦЕВ

В основу статьи положены материалы, подготовленные работником вешняковской церкви С.В. Астаховым. Рассказ об истории церкви впервые был опубликован в районной газете «Вешняки».

Создание храма

Около железнодорожной станции Вешняки, у путепровода, что, взметнувшись над железной дорогой, соединил улицу Юности с Рязанским проспектом, сохранился маленький зеленый островок особого человеческого бытия. Здесь, окруженный со всех сторон дорожным шумом и городской суетой, стоит вешняковский храм. Летом он скрывается под сенью деревьев, а зимой обрисовывается арабесками их ветвей. И только золотые кресты на маковках церковного шатра и уходящего в небо шпиля колокольни всегда горят на фоне голубого небесного покрыва.

Для многих поколений вешняковцев наш храм был родным домом. Здесь совершались важнейшие события их жизни: они крестились и венчались, исповедывались, каялись и причащались. Здесь они молились, и их молитвами и вздохами напитаны храмовые стены, а храмовые образа помнят их взгляды и слезы. Здесь их отпевали, а после они ложились в могильную землю по очереди, в надежде когда-то восстать воедине, но уже навсегда.

Кто оставил нам этот храм, и как возник он на этой земле? Чтобы узнать его историю нам нужно вернуться к середине XVII в.

Дочь известнейшего на Москве и высокопоставленного боярина Федора Ивановича Шереметева Евдокия выходит замуж за князя Никиту Ивановича Одоевского и приносит ему сына Якова, а своему батюшке – долгожданного наследника.

Родоначальником рода Одоевских называется [15] св. Михаил Черниговский, погибший в ставке Бату-хана в 1246 г. С тех пор прошло много поколений этого рода. Один из Одоевских, боярин Никита Романович, был воеводой Ивана Грозного. В XVII в. стали известными деятелями три его сына: князя Михаил Никитич, имевший бездетного сына, Иван Никитич Большой и Иван Никитич Меньшой, оставивший только дочку. Иван Никитич Большой, имевший трех сыновей, стал продолжателем рода Одоевских. Один из его сыновей, Никита, и стал мужем Евдокии Шереметевой.

Никита Иванович был самым знаменитым лицом своей фамилии в XVII в. В 1640 г. он получил чин боярина, руководил комиссией, занимавшейся составлением Соборного уложения 1649 г. (активным участником составления уложения был царь Алексей Михайлович), участник русско-польской войны 1654 – 1667 гг., назначался послом в Польше и при царе Федоре Алексеевиче руководил внешней политикой России [20].

Федор Иванович не мог не радоваться успехам своего зятя, но сам он, поседевший, прошедший сквозь огонь и медные трубы (тут можно и без кавычек), понял, что в жизни есть что-то более важное. Мысли его обращались к Богу. И Шереметев затевает возведение храма – не в стольном граде Москва, а в своем уединенном Вешнякове.

Федор Иванович построил храм в 1644 – 1645 гг. по обету. «По обету» – значит по обещанию, данному Богу в благодарность об исполнении молитвенного прошения. Мы не знаем, о чем просил Федор Иванович, но если данный им обет исполнен, то, значит, и молитва раба божьего Федора была услышана и исполнена Богом.

На свое обращение к Патриарху Московскому и всея Руси Иосифу (патриарх с 1642 по 1652 гг.) с просьбой о благословении построения храма Ф.И. Шереметев получил 12 апреля 1644 г. (по старому стилю) ответную патриаршую грамоту (копия грамоты представлена на следующей странице, здесь приводится фрагмент ее текста).

Построился храм довольно быстро. Он имел два этажа. В нижнем (зимнем) храме в одном алтаре было два святых престола: в честь Успения Пресвятой Богородицы и святителя Николая. Верхний (летний) храмовый престол был освящен во имя Воскресения Христова.

Каждый этаж имел боковые арочные проходы – гульбища. Наружная лестница вела на второй этаж. Восьмигранник был украшен кокошниками и завершался шатром. На колокольне под уровнем звона был установлен часовой механизм, который управлял тремя циферблатами и звоном.

В переписных книгах Московского уезда 1645 г., составленных по распоряжению князя Ивана Долгорукова, Вешняково названо уже селом «...а в нем церковь каменная». Там же упоминается священник храма отец Никифор, наш первый настоятель.

Федор Иванович прожил долгую трудную жизнь. Но он исполнил свой обет перед Богом – построил храм Святой Пасхи – Пасхи Христовой, которая есть победа жизни над смертью. Исполнив обет, он составил духовное завещание (1645 г.), в котором передал Вешняки, Выхино и Жулебино своему внуку Якову Одоевскому.

Храмовые перестройки

Через восемь лет после постройки наш храм претерпевает первые изменения. Новые владельцы Вешняков князья Одоевские разворачивают здесь большое строительство. Строятся просторные княжеские палаты, конюшни, многочисленные бытовые и хозяйственные постройки. Некоторая перестройка произошла и в храме. Князь Яков Никитич испрашивает на то благословение Святейшего патриарха Никона (патриарх с 1652 по 1666 гг., умер в 1682 г.). Патриарх ответил следующей грамотой [12].

В процессе перестройки верхние арки гупбищ закладываются, и в образовавшихся боковых галереях обустраиваются отдельные святые престолы. Слева – во имя небесного покровителя князя Якова Никитича Одоевского святого апостола Иакова Заведеева, брата святого апостола Иоанна Богослова, а справа – Никольский, который переносится сюда из алтаря нижнего храма.

От своей жены Анны Михайловны Яков Одоевский получил двух дочерей, а вот сына-наследника так и не дождался. Одна из его дочерей, Домна, осталась девицей, зато у другой, Анны, сложилась хорошая партия. Выйдя за Дмитрия Михайловича Голицына она попала в крепкую и обеспеченную семью (судя по родословной Голицыных, Дмитрий Михайлович, видимо, был внуком того самого Андрея Андреевича, матери которого Федор Иванович когда-то отдал Гиреево. – Авт.).

Яков был у своих родителей пятым ребенком. Кроме него были сыновья Михаил (одно время – комнатный стольник Петра I), Федор (боярин), Алексей (женившийся на Ульяне Ивановне Голицыной) и дочь Марфа. Мы не знаем, как рассуждали братья и отец, но только к венчанию Марфы ей в приданое вышло Вешняково с Выхино. А обвенчалась она с Михаилом Яковлевичем Черкасским. Вскоре у них появился сын Алексей (1680 – 1742).

По семейным легендам род Черкасских происходит из Турции, их предком был Мамелюк Инал, сперва султан в Египте, потом владетель Большой Кабарды, умерший в 1453 г. У его сына, мурзы Табулду, было трое детей: мурзы Инармаз, Жангот и Минбулат. Для нашего рассказа интересна ветвь потомков Жангота. На его внучке Марии женился вторым браком царь Иван Васильевич Грозный.

Вместе с нею переселились в Русское царство и три ее брата. В Москве известны и два ее двоюродных брата – мурзы Хокяг, Хорошай и Куденет. Все они приняли православие и получили русские имена, женились на московских девушках, стали московскими князьями. Один из сыновей Куденета получил русское имя Яков. Сын Якова Михаил и стал мужем Марфы Одоевской.

Интересен круг родословных связей. Брат Куденета Хорошай стал Борисом Черкасским. От Марфы Никитишны Юрьевой у него был сын Иван, дочери Ксения и Ирина. Ирина Борисовна Черкасская была второй женой Федора Ивановича Шереметева [15, 17].

Черкасские были богатейшими и известными людьми России. Постепенно мужает и приобретает вес при дворе и Алексей. При назначении Петром губерний Алексей Михайлович был поставлен сибирским губернатором, при Елизавете (1740 г.) он стал государственным канцлером. Но и прекрасное ему не чуждо. Алексей Михайлович заведовал при дворе строением дворцов и садов, равно как устройством художественных ремесел. У него были свои музыканты, театр и хор [21].

И вот князь решает внести свою лепту в обустройство Вешнякова. Он задумал перестроить колокольню храма в архитектурных традициях XVIII в., на что было получено разрешение Священного Синода.

В 1732 – 1734 гг. колокольня претерпевает перестройку. К ней пристраиваются восемь квадратных колонн-пилястр (по две со всех сторон), которые вверху, под звоном, перекрываются полукруглыми фронтонами, при этом закрывается часовой механизм. Во фронтонах помещаются большие круглые иконы. Шатер переделывается на волнообразную кровлю и венчается высоким шпилем. В итоге получилась настоящая барочная колокольня XVIII в., которая стоит и поныне. Храм вместе с колокольней оштукатуриваются и красятся в бордовый цвет. В качестве приданого Марфы Никитишны к обширным владениям Черкасских добавилось Вешняково с Выхиным. Что касается других земель нашей округи, то на этот счет в литературных источниках найдены расхождения. М.И. Пыляев [21] называет в составе поместий Алексея Михайловича Тетерки и Перово. И.К. Кондратьев [22] также пишет, что «вся земля кругом принадлежала князю А.М. Черкасскому... Его огромное имение составляли почти все ближайшие села и деревни, окружавшие Кусково». А наши современные авторы, написавшие статьи о владельцах Тетерок и Перова [23, 24], не упоминают Черкасского среди таковых. Будущим краоведам стоит разобраться, кто здесь ошибается. Алексей Михайлович Черкасский был женат на княгине Марии Юрьевне Трубецкой. У них была единственная дочь – Варвара (1714 – 1767). Лето они часто проводили в Вешнякове. Варварушке нравилось это тихое место с пением птиц у самого дома, с задумчивым прудиком. Мы не знаем, где увидел Варвару молодой граф Петр Борисович Шереметев, – на петербургском балу или будучи в гостях у Черкасских на их летней вешняковской «даче». Знаем только, что Алексей Михайлович незадолго до кончины благословил их союз (отца Петра

Борисовича уже не было) и отдал за Варварушкой ее любимое Вешняково. Теперь, живя летом у мужа в Кускове, она всегда могла навещать любимую деревеньку и перекреститься на колокольню, сделанную ее отцом. Так Вешняково и Выхино вернулись во владения Шереметевых.

Следующие конструктивные изменения вешняковского храма произошли уже в XX в. В начале века нижняя левая галерея закладывается, и в ней устраивается святой престол во имя преподобного Сергия Радонежского. В конце века закладывается и правая нижняя галерея, в которой устраивается храмовая ризница.

История этих перестроек стала известна нам только недавно, во время ремонтно-восстановительных работ, проведенных в 2002 – 2004 гг. под руководством настоятеля храма Епископа Никона. Подножие храма было очищено от семидесятисантиметрового слоя земли. При этом открылись старые известняковые блоки основания строения со следами бордовой окраски. Была отбита штукатурка, в результате чего открылась кирпичная кладка церкви. Фрагменты старинной штукатурки открыли нам все красочные слои, в которые окрашивался храм на протяжении своей истории. Оказалось, что после начальной бордовой окраски его красили охрой красной, потом серо-зеленой, потом другими цветами то светлых, то более темных тонов. Последними оказались слои масляной краски – серой и белой. Были найдены также осколки старой черепицы, покрывавшей шатер, и изразцов XVII в. Обследование стен и поздних кирпичных кладок рассказало нам об изменениях конструкции храма. Все это позволило художнику и реставратору Н.Н. Чусову выполнить мысленную реконструкцию храма и сделать рисунок его примерного начального вида.

Святыни храма

Из далекого XVII в. дошли до нас и некоторые иконы, встречающие сегодня прихожан, которые дополняются более поздними святынями.

В центре иконостаса верхнего храма находятся царские врата XVII в., украшенные изящной басмой искусной работы. Справа от них расположен образ Спасителя, написанный известным царским изографом XVII в. Тихоном Филатьевым (его подпись стоит на иконе). Второй справа находится главная святыня верхнего храма – многосюжетная икона Воскресение Христово. Эта икона находится в местном чине иконостаса со дня его освящения.

Слева от царских врат расположена икона Божией Матери Владимирской, схожая по письму с иконой Спасителя. Левее ее находится икона Уверение апостола Фомы редкого сюжета. В евангелии написано, что Святой апостол Фома усомнился в воскресении Спасителя. Но все сомнения были сняты, когда воскресший Христос явился и показал апостолу Фоме свои руки с ранами от

гвоздей и прободенное копьем свое ребро. И апостол вложил свою руку в эту рану. Этот момент и изображен на иконе. И этому событию посвящается второе воскресение после Святой Пасхи. Наличие этой иконы раскрывает пасхальную особенность посвящения верхнего храма.

На внутренней северной стене храма находится величественный образ Иерусалимской Богоматери. На ее левом плече имеется орнамент в виде зашифрованной надписи. Так же почитаемы иконы Святителя Николая с житием, Казанской Богоматери XIX в. и чудесно обновившийся в 2003 г. ее образ Взыскание погибших. Имеется редкий для наших храмов образ сирийских святых преподобного Авраамия и блаженной Марии Хиданских, написанный в начале XXI в.

В нижнем храме особо почитаются Большой Нерукотворный образ Спасителя и Иверской Божией Матери. Известны случаи чудесного исцеления после молитв перед этими иконами. В отдельной резной сени находятся икона Божией Матери «Державная» и перед ней – ковчег с частицами святых мощей. Здесь молятся о спасении России. В центре на двух столпах размещены две большие иконы преподобного Сергия Радонежского и святителя Николая. В Сергиевской иконе вложена частица настоящего гроба Преподобного из Троице-Сергиевой лавры. За столпами нижнего храма слева – большой Голгофский распятский Крест с Предстоящими. Здесь поклоняются Спасительным Страстем Господа нашего Иисуса Христа.

Вообще в нашем храме много икон, перед которыми всегда горят свечи прихожан, и ни один огонек не остается незамеченным на небе.

Настоятели храма

Во время посещения Кускова императором Александром III произошла первая встреча отца Константина Зверева с Великим князем Сергеем Александровичем и Великой княгиней святой преподобной мученицей Елизаветой Федоровной. В последствии отец Константин был переведен в церковь св. Александра Невского при доме московского генерал-губернатора. После трагической гибели Великого князя в 1905 г. отец Константин со всем причетом переводится в Чудов монастырь Московского кремля. Он служит в церкви, где упокоились останки убиенного Великого князя.

После о. Константина Зверева настоятелем нашего храма становится отец Иоанн Василевский (1863 – 1931). Исключительной доброты человек, настоящий пастырь. В 1923 г. он рукополагается в епископа Бронницкого, но продолжает жить и служить в Вешняках. Скончался он 4 марта 1931 г. после тяжелой болезни, до последнего дня ожидая своего ареста. Похоронен Владыка Иоанн вместе со своими родственниками рядом с алтарем вешняковского храма.

Настоятелем до 1935 г. был протоирей Николай Величкин (ум. 1935 г.). В 1940 наш храм закрыли (Решение Исполнительного комитета московского совета

депутатов трудящихся «О закрытии церкви в пос. Вешняки. Ухтомского района» за номером 1104/3 от 13 сентября 1940 г.).

Вернули храм верующим сразу после войны, и первая служба состоялась на память святой мученицы Татьяны 25 января 1947 г.

Настоятелем храма с 1947 по 1962 гг. был протоирей Николай Фрязинов. При нем были проведены необходимые восстановительные работы, которые выполнили специалисты центральных реставрационных мастерских им. Грабаря под руководством известного художника Павла Дмитриевича Корина.

С 1962 по 1970 гг. настоятелем был протоирей Павел Митрофанович Максимов. С 1972 по 1981 гг. – протоирей Виктор Дмитриев. С 1981 по 2002 гг. – митрофорный протоирей Матфей Иванович Грицак (23.02.1929 – 22.01.2006), добрый батюшка, замечательный проповедник.

В октябре 2002 года настоятелем нашего храма назначается преосвященник епископ Никон (Миронов). По его благословлению и под его непосредственным руководством в храме были проведены масштабные ремонтно-восстановительные работы. Службы удлинились и стали более торжественными. В полтора раза увеличилось количество богослужений в храме. Содержательнее стал помин и о здравии, и о упокоении. Храм открыт с утра до вечера.

3. ГРАФСКАЯ ЛИНИЯ ШЕРЕМЕТЕВЫХ В ИСТОРИИ КУСКОВА

БОРИС ПЕТРОВИЧ
1652 – 1719

Борис Петрович Шереметев начал службу еще при царе Алексее Михайловиче. В год смерти следующего царя, Федора Алексеевича, и прихода к власти царевны Софьи он был пожалован в бояре. В 1686 г. «его включают в состав русского посольства для переговоров с представителями Речи Посполитой, которое возглавлял В.В. Голицын. Подписанный Вечный мир приносит боярину многочисленные знаки благоволения и благодарности правительницы. Борис Петрович получает дорогие подарки, четыре тысячи рублей и существенную прибавку к государственному жалованию» [28].

Ратное содружество зрелого и предусмотрительного Бориса Шереметева и молодого, горячего Петра I началось в последний год семнадцатого столетия (1700 г.). Нам известно, с какой убежденностью связывал Петр преобразования в России, ее укрепление и международный авторитет с выходом к Черному и Балтийскому морям, как мечтал он о строительстве города на Неве. Но тут Карл XII приблизился к границам, закрыл выход к Балтийскому морю, и теперь пришлось беспокоиться не о строительстве, а о войне. Для сбора армии Петр призвал и Бориса Петровича, уже проявившего себя в Азовском походе.

Царь назначил его командовать драгунами (конницей), а сына Михаила – командовать артиллерией. Тяжело давались уроки победы над шведами: были потери и поражения. Однако в декабре 1701 г. русские победили при Эрестфере, а летом 1702 г. при Гуммельсгорфе [Заозёрский А.И. «Фельдмаршал Б.П. Шереметев». М., «Наука», 1989]. Шереметев гнал и гнал шведов. Наконец, русские вышли к Балтийскому морю. Петр мог начать строительство города. После тех побед государь присвоил Борису Петровичу звание первого в России фельдмаршала и орден Андрея Первозванного [29, 17].

Последующее взятие Нарвы Петр решил отметить с размахом. «Повелеваю всем двигаться к Москве», – сказал он, и огромная армия, а с нею и «табор» пленных шведов, отправились в дальний путь. Перед въездом в Москву Петр объявил, что первым будет въезжать Шереметев: «Главному победителю почет и уважение !.. И чтобы все при полном параде – латы, доспехи... и колесница золотая!..» [29].

В 1705 г. Шереметев был направлен во главе экспедиционного корпуса на Волгу для усмирения Астраханского бунта. Как наказание воспринял фельдмаршал это назначение. Одно дело воевать с турками, с Карлом, а другое – со своими.

Мучительно далось Шереметеву это предприятие, но приказы царя не обсуждаются. В награду за эту кампанию, а может быть, поняв, как измучен и обижен Шереметев, Петр положил ему самое высокое жалование (7 000 рублей) и пожаловал 2 400 крестьянских дворов в Ярославском уезде [29]. В 1706 г. Борис Петрович получает графский титул.

1709 год, битва с Карлом под Полтавой. Главнокомандующим русской армией был назначен Б.П. Шереметев. Сокрушительная победа над шведами много прибавила к чести рода Шереметевых.

Но были и горькие периоды жизни. В 1711 г. во время войны с Турцией попал в плен его сын Михаил. Около двух лет просидели пленники в турецкой крепости. Когда же они возвращались домой, Михаил скончался в пути от Измаилова в Бендере. Похоронил его отец в Киево-Печерской лавре.

Всего несколько лет назад скончалась его любимая жена Евдокия. Теперь он остался один. Пусто стало в душе. И решил граф уйти от дел и закончить жизнь в Киевском монастыре, поближе к сыну. Но тут Петр проявил своеобразие. Он не отпустил своего старого солдата, а приказал ему жениться (графу было уже шестьдесят лет). Призвал Петр к себе во дворец знатных женщин и рассадил их в разных комнатах, а Шереметеву велел выбирать, которая понравится. Так его второй женой стала Анна Петровна, вдова Льва Кирилловича Нарышкина, дяди Петра.

В 1712 г. Борис Петрович получил за свою службу Петру Данную (грамоту) на участок земли на берегу Безымянного Ерека в новом городе на Неве. Позже эту речку стали называть Фонтанкой, и «фонтанный» дом, построенный Борисом Петровичем, всегда любили его дети и внуки. Теперь хозяйство Шереметева было велико: дом на Фонтанной улице в Петербурге, два жилых дома в Москве – на Воздвиженской и Никольской, многочисленные загородные усадьбы, люди и

земли в Калужской, Ярославской, Ивановской губерниях и др. Была у него земля и в Малороссии. Это имение близкие называли Борисовкой. Уж больно хорошо там пели молодые парни и девчата! Оттуда привозил граф первых артистов для своей капеллы. После полтавской победы Борис Петрович основал в Борисовке девичью пустынь в честь иконы Божией Матери Тихвинской. Получая жалование в семь тысяч рублей, имел он «двадцать тысяч лиц мужеска пола», и наследственных крепостных – от предков, и нажитых своим трудом [29]. У графа прежде не было ни времени, ни склонности заниматься собственными хозяйственными делами [28], все это он делал урывками между походами. Теперь, когда он вышел в отставку, надо было позаботиться о семье, навести порядок во всех своих владениях, подумать о будущем детей. Их брак с Анной Петровной оказался удачным: она родила ему Петра, Сергея, Наталью. Для них граф купил у своего брата Владимира село Кусково. Теперь дети проводили лето за городом. Туда Борис Петрович перевел свою постоянную резиденцию. Здесь был разбит большой сад, построены деревянные оранжереи. В Кусково привезли коллекцию редкого оружия, собрание портретов русских царей и государственных деятелей. Однако здоровье Бориса Петровича становилось все хуже, и в последние дни марта 1719 г. его не стало. «В интересах государства» граф Шереметев с высочайшими почестями был захоронен в Александро-Невской лавре. Наследнику его Петеньке было тогда шесть лет.

ПЕТР БОРИСОВИЧ 1713 - 1788

Петр Борисович, юный наследник фельдмаршала, был хорошо обучен и воспитан, в одиннадцать лет определен в Преображенский полк и получил звание подпоручика, учился вместе с внуком Петра I, великим князем Петром Алексеевичем. Согласно своему родовому положению граф Петр Борисович был в Санкт-Петербурге при дворе и долгие годы нес государственную службу. Он носил знатные титулы – генерала, сенатора, камергера, кавалера нескольких орденов. Во время первых дворянских выборов в Москве (при учреждении губерний в 1782 г.) был единогласно выбран сначала в уездные предводители дворянства, а на другой день был выбран и на должность губернского предводителя [21].

Но после фельдмаршала потомки Шереметевы отошли от больших государственных дел. Петр Борисович уже не мог служить царям с тем рвением и преданностью, как его отец. Уже в молодые годы он насмотрелся примеров неблагодарности и жестокой мстительности около престола. Началось с того, что молодой Петр II сослал Меншикова, любимца своего великого деда. После смерти Петра Алексеевича призванная на московский престол Анна Иоанновна разгромила Верховный тайный совет и начала мстить тем, кто хотел ограничить

самодержавную власть императрицы. Так, далеко за Урал были сосланы Долгорукие. Больше всего досталось молодому князю Ивану Долгорукому, бывшему фавориту Петра II. Его обвинили в болезни и смерти (1730) юного Петра II. В Сибири его содержали в одиночном заключении и покончили с ним колесованием.

Вся эта история прямым образом коснулась Шереметевых. Ведь Наталья, сестра Петра Борисовича, была помолвлена с Иваном Долгоруким. Когда она узнала о смерти Петра II, девушка ужаснулась: «Ах, пропала, пропала!» – твердила она. Графиня знала обыкновение русского двора: все фавориты пропадают после своих государей. Но когда вечером того же дня приехал ее жених, они дали друг другу клятву, что их ничто не разлучит, кроме смерти [21]. Родные убеждали ее оставить Долгорукого, но она настояла на обручении. И Наталья Борисовна была верна своей клятве – зимой на лошадях она поехала с Иваном и добровольно разделила со своим суженым сибирскую ссылку. И только смерть мужа разлучила их... Мог ли Петр Борисович, приближенный царствующей фамилии, все это время спокойно себя чувствовать?

Душа Петра Борисовича рвалась из блистательного холодного Петербурга в Кусково.

Еще в юношеские годы большим его увлечением было устройство усадьбы: рассматривая заграничные книги, он изучал планировку парков, устройство разных затей, мечтал перестроить кусковский дом. Это его увлечение пришлось на период формирования новых обычаев в общественной жизни. Толчком к этому послужила «борьба Петра I с остатками средневековья, ломка всего уклада замкнутой в теремах жизни бояр... Входят в обычай многолюдные приемы гостей, ассамблеи, балы, празднества с фейерверками. Появляется необходимость в нарядных и вместительных зданиях» [18]. Год от года в России возрастает количество дворцов и усадеб. В них главная часть здания отводилась под парадные комнаты, всегда готовые к приему многочисленных гостей. Гости, как и теперь, старались удивить убранством комнат, «попотчивать» музыкой, развлечь модными затейливыми танцами. Мода вместе с книгами, нотами приходила из Франции, Германии. Увеличился спрос на художников, архитекторов, певцов, музыкантов, актеров и т. д. Их ряды пополнялись способными выходцами из мелких чиновников, ремесленников, крепостных крестьян [18]. Все это создало благоприятную почву для выявления и развития русских талантов. Кускову было суждено стать одним из очагов культуры в Подмосковье.

У своего славного соседа по Кускову, владельца Вешняков князя Алексея Михайловича Черкасского, Петр Борисович давно добивался разрешения на брак с молодой княжной Варварой. Наконец, в 1743 г. брак состоялся. В записках их правнука Сергея Дмитриевича мы находим такую характеристику Варвары Александровны: «Она сохранила врожденную доброту и осталась примерно женою и матерью. Домашние любили ее, она делала много добра: ею была

основана и ею же поддерживалась Вешняковская богадельня близ Кускова. В доме ее находили себе приют и убежище малолетние, сироты, получавшие воспитание и почитавшие ее как родную мать».

При этой женитьбе объединились два крупнейших состояния. К свадьбе князь подарил Петру Борисовичу любимое Варварушкой Вешняково, а также Перово, Тетеревники, Жулебино, Останкино. К тому же граф получил При этой женитьбе объединились два крупнейших состояния. К свадьбе князь подарил Петру Борисовичу любимое Варварушкой Вешняково, а также Перово, Тетеревники, Жулебино, Останкино. К тому же граф получил театр, музыкантов, отменный хор Черкасского. Княжна помимо этого принесла мужу в приданное более 80 000 крестьян [21], [22]. Граф сделался одним из самых богатых людей России XVIII в. Ему стали принадлежать без малого миллион десятин земли и около двухсот тысяч крепостных [18].

Наступила пора второго рождения Кусковской усадьбы. Иной раз кажется, что в основу новой планировки Кускова заложена романтическая идея: из графского дома любимая Варварушка всегда сможет видеть дорогое с детства Вешняково. Для этого перпендикулярно фасаду дома от пруда был проведен канал, заканчивающийся малым прудом, а дальше через лес был проложен просек. Там, в перспективе, левее просека белела вешняковская церковь (сейчас эта перспектива закрыта зданиями организаций).

Петр Борисович строит Кусково как «летний загородный увеселительный дом». «Всеми архитектурно-строительными работами руководил до 1754 г. Юрий Иванович Кологривов, долгое время живший в Италии и хорошо знакомый с итальянской архитектурой» [19]. С ним вместо обветшалой деревянной церковки у графского дома была построена каменная домовая церковь Нерукотворного Спаса (1737 – 1739 гг.), позже – Голландский домик (1749 г.), начата (и продолжена Аргуновым) работа над Итальянским домиком. «После его смерти ведущим архитектором усадьбы становится талантливый зодчий – двадцатитрехлетний крепостной Федор Семенович Аргунов, автор проектов Грота, Кухонного флигеля, беседки Бельведер и Большой каменной оранжереи» [19]. В 1765 – 67 гг. был построен Эрмитаж, по-видимому, с участием московского архитектора К.И. Бланка.

Главное здание – дворец – построен в 1769 – 75 гг. под руководством К. Бланка на месте старого «хоромного строения». Чертежи фасадов дворца были заказаны в Париже архитектору Ш. де Вайи [19] (Wailly – Авт.). Строительство вели крепостные архитекторы Ф.С. Аргунов, М.Ф. Миронов, Г.Е. Дикушин [28]. В этот период в архитектуре стиль барокко соседствует и постепенно уступает место классическому стилю. Если во внешней отделке Грота угадывается барочная затейливость и нарядность, то дворец выполнен в стиле раннего классицизма. Шестиколонный портик, широкие ступени и простая планировочная схема здания напоминают строгие и торжественные формы античной классики. Планировка дома сделана в модном тогда анфиладном стиле. В дождливый день

можно было на лошадях подъехать прямо к дверям дома – для этого вход устроен в виде закрытого пандуса.

По распоряжению императрицы усадебные дома тогда можно было строить только из дерева. Таким и был новый дом Шереметева, хотя замысел был таков, чтобы он выглядел, как каменный. Когда вы будете подходить к этому дворцу, вы почувствуете, насколько хорошо удался этот замысел. Вы и не подумаете, что белые колонны центрального портика выполнены из сосновых стволов. Только вблизи разглядите ничем не скрывааемую деревянную обшивку стен. Вот что значит талант архитектора!

Дом имеет до двадцати различных покоев. «В одной комнате стены были из цельных венецианских зеркал, в другой обделаны малахитом, в третьей обиты драгоценными гобеленами, в четвертой художественно разрисованы не только стены, но и потолки. Всюду античные бронзы, статуи, фарфор, яшмовые вазы, большая картинная галерея с картинами Рафаэля, Ван Дейка, Доминикино, Рембрандта... Замечательны также были... огромная библиотека и оружейная палата; в последней было редкое собрание древнего и нового оружия» [21], и, между прочим, седло Карла XII, доставшееся отцу Борису Петровичу вместе с конем в бою под Полтавой.

Удивлял гостей Грот. Его стены, потолки, декоративные фигуры выложены перламутром и раковинами. Грот убран перламутровыми пальмами и букетами. Замечательные решетки художественной ковки на окнах и дверях были выполнены мастерами из Павлова, близ Нижнего Новгорода.

Шереметев старался не просто удивить, но просветить своих московских гостей. Ведь далеко не многие из них были знакомы с высокой европейской культурой. И ему удавалось делать это в оригинальной и ненавязчивой форме парковых павильонов. Недалеко от барского дома был построен Голландский домик. Он был выполнен из красного кирпича и выделялся архитектурным стилем, стены выложены голландскими изразцами. Тут собраны картины голландских мастеров живописи. А по другую сторону дворца возведен домик в итальянском стиле. Его комнаты украшали скульптуры и картины, привезенные из Италии.

За линией графского дома и кухонного флигеля был разбит парк во французском регулярном стиле, занимавший 22 десятины земли. Работы проводились в 1772 г. после чумы, что дало возможность голодавшему тогда народу некоторое время пропитаться. В саду было устроено семнадцать прудов, карусели, гондолы, китайские и итальянские домики, каскады, водопады, фонтаны, подъемные мосты [22]. По обе стороны главной оси парка симметрично расстелены зеленые ковры-партеры. В XVIII веке они имели сложные узоры, вырезанные в плотной зеленой массе. Пересекающиеся под прямым углом или по диагоналям аллеи ограждены стенками подстриженных кустов. Кронам деревьев придавали шаровидную форму. Каждая аллея выводила к беседке или к скульптуре, или еще к какому-нибудь привлекательному предмету. Кусты и деревья были посажены так, что несмотря на небольшую площадь парка, вы, глядя в перспективу одной аллеи, не

видите того, что ожидает вас на другой.

За французским парком по проекту архитектора Л. Соболевой в 1960-х гг. восстановлено здание оранжереи. В нем находится музей фарфора, стекла и керамики. Этот музей был переведен сюда из Москвы в 1932 г. Изначально оранжерея служила «воксалом» – помещением для банкетов и танцев. Два обширных боковых крыла служили зимним садом. Кусково славилось лимонами, апельсинами и ананасами, созревавшими круглый год [24].

Теперь за оранжереей кончается территория музея-усадьбы. При Петре Борисовиче тут начинался пейзажный парк по английскому образцу. Этот стиль подразумевал максимальное приближение искусственных сооружений к естественной природе. Деревья высаживались живописными группами, извилистые аллеи вели от одного паркового сооружения (беседки, павильона) к другому.

К угольям Кускова принадлежала «и та роща, которая теперь известна под именем зверинца; зверинец был в окружности до трех верст... Уже нет следов построек настоящего зверинца, где содержались разных пород звери: черные американские, серые русские и сибирские медведи, лоси, лисицы и проч. Стада оленей ходили свободно; их считалось до 600 голов» [21].

Самой замечательной жемчужиной Кускова был театр. Здесь хочется процитировать несколько фрагментов из книги М.И. Пыляева [21]. «Этот театр надо считать рассадником наших сценических талантов конца XVIII столетия... По величине он равнялся нынешнему московскому Малому театру, но удобством, вкусом, изяществом и богатством он далеко оставлял второй позади. Построен он... по плану архитектора Вальи, а начат, по преданию, год спустя после постройки барского дома... Театр Шереметева у современников стяжал громкую славу как отличным исполнением богатого репертуара, так и счастливым выбором главных исполнителей, число которых было весьма немногочисленно, но зато хорошо поддержано массою танцовщиц, и особенно превосходным оркестром и хором певчих. Особенно также богат был театр роскошными декорациями и обильным гардеробом.

Летом в праздники представления переносились на «Воздушный театр», помещавшийся под открытым небом в большом саду, между Итальянским домом и деревянным бельведером. На этом театре было поставлено несколько драм, с десяток комедий, до двадцати балетов и более сорока опер...

Графский библиотекарь, как и постановщик театральных пьес, был крепостной человек – Василий Вороблевский; театральных пьес и других сочинений этого автора, напечатанных в эпоху от 1772 по 1797 гг., известно более пятнадцати». Певчие, родоначальники знаменитой уже при Борисе Петровиче капеллы, преимущественно малороссы, отбирались фельдмаршалом из способных крестьянских мальчиков и посылались на учебу. Теперь они составляли основу труппы. Певцы-солисты, музыканты, актеры и актрисы, танцовщики и танцовщицы частично приглашались за плату, но в основном воспитывались из

своих вотчинных крестьян. Для их обучения из-за границы приглашались музыканты.

Как мы видим, потомственный граф создал не просто затейливый парк при своей усадьбе. Среди подмосковной природы он создал культурную среду, насыщенную всеми формами искусства разных направлений. Эстетически дополняя друг друга, «они возвышали человека, делали его тоньше, наконец, расширяли его кругозор и повышали образованность. Разве не ради этого, узнав о раскопках древностей в Италии, он посылает туда Кологривова и тот привозит античные скульптуры: в Москве увидят искусство Древней Греции и Рима» [29]. Разве не ради этого собирались картины итальянских мастеров и учились музыке мальчишки из далекой украинской вотчины? «Петр Борисович – частица того тонкого слоя русской аристократии, которая была главным проводником культуры в России. Не управляя страной, они тем не менее создавали духовную сферу, способствовали прогрессу» [29].

И все это Шереметев бескорыстно дарил обществу. Вход в усадьбу был свободным и бесплатным. По четвергам и воскресеньям давались спектакли, в саду пели хоры, играли музыканты. У въезда в Кусково со стороны Перова стоял столб с надписью, приглашавший посетителей «веселиться как кому угодно, в доме и в саду». «Все празднества в Кускове отличались необыкновенной пышностью; во время праздников у графа Шереметева число гуляющих посетителей доходило до пятидесяти тысяч человек, исключая званых гостей, которых приглашалось по билетам более двух тысяч человек» [21].

Самыми большими праздниками для хозяина были посещения императрицы Екатерины II. Будучи в Москве «во время празднования 25-летия ее царствования... 30-го июня 1787 г., в три часа пополудни, императрица отправилась в Кусково со всем двором и блестящею свитою. Екатерина вступила на кусковскую землю через великолепную арку, убранную оранжерейными растениями, между которыми были размещены символические картины с приветственными надписями. На верху галереи играла музыка. При приближении поезда к подъемному мосту стоявший на Большом пруде двадцатипушечный корабль и другие меньшие суда салютовали, а с берегов также гремели пушечные выстрелы.

К большому дому вела галерея живых картин: здесь стояли попарно жители и слуги Кускова с корзинами цветов, девушки в белых платьях и венках рассыпали букеты по пути. Через Большой сад хозяин провел царицу в сад английский и лабиринт, где при вечернем солнце показывал свои прихотливые сооружения и редкости, а после повел царицу в театр, где давали оперу «Самнитские браки» и в заключение балет. Екатерине очень понравился спектакль; она допустила всех артистов к руке и раздала им подарки... На возвратном пути из театра весь сад уже горел огнями; на пруду плавали лодки и гондолы с песенниками и хорами музыкантов; два обелиска по обеим сторонам пруда представляли два ярких маяка, вдали горели щиты с вензелевыми изображениями царицы и сыпались

целые каскады разноцветных огней. Во время фейерверка разом было пущено несколько тысяч больших ракет... Бесчисленные толпы народа гуляли целую ночь. В галерее был ужин, во время которого пели певчие» [21].

Уже тогда граф был слаб здоровьем, но водил под руку Екутерину по аллеям и комнатам. С тех пор ему все чаще становилось худо. «А 30-го ноября 1788 г. вдруг в одночасье старый граф испустил дух... Похоронили его в Москве в Новоспасском монастыре, но тень души его навсегда осталась в Кусковском парке» [30].

История русского театра

История русского театра – как это часто бывает – началась с запрета, а потом разрешения. И все это связано с именем государя Алексея Михайловича. Первыми профессиональными актерами у нас считают скоморохов, которые ходили по городам и деревням и развлекали людей веселыми байками, песнями, рифмованными прибаутками. Чуть позже в руках актеров появились куклы. Через кукольных персонажей – крестьянина, попа, приказчика, веселого Петрушку – представлялись грустные и веселые сценки из жизни, выражались чаяния бедного люда, высмеивались какие-то пороки общественной жизни. Вот этих то скоморохов и запретил Алексей Михайлович специальным указом в 1648 г. Но время шло. Из богатых европейских домов приходила мода на музицирование, чтение книг. При каждом европейском дворе был театр. И в год рождения своего сына Петра, 4 июня 1672 г., тот же Алексей Михайлович издал указ «учинити комедию», то есть создать театр. В Немецкой слободе нашли пастора местной лютеранской церкви Иоганна Грегори, который взялся за постановку пьесы по библейскому сюжету. Одновременно в селе Преображенское строилось здание театра. (Так что все началось в Восточном округе). Премьеру сыграли 17 октября 1672 г. Царь остался доволен «потехой» и щедро наградил ее автора. Театральные представления становились при дворе регулярными, но со смертью Алексея Михайловича прекратились.

Но идея театра не умерла. Постепенно театр стал зарождаться на самодеятельной основе: спектакли устраивались горожанами, которые снимали подходящие помещения и ставили пьесы. Такие представления давались для широкой публики не только в Москве и Петербурге, но и в провинциальных городах. Когда императрица Елизавета Петровна решила завести в Петербурге общедоступный театр, то в столице не нашлось подходящих людей. Был известен ярославский театр, которым руководил Федор Григорьевич Волков. Елизавета приказала Волкову и его людям прибыть в Петербург, где ими был дан спектакль. Это произошло 6 февраля 1752 г. А 30 августа 1756 г. Елизавета Петровна издала указ об учреждении русского театра. Под него отдали каменный дом на Васильевском острове. Директором театра был назначен известный к тому времени драматург Александр Петрович Сумароков. Возглавлял труппу Федор Волков. Но вскоре

императрица умерла, и у театра наступили нелегкие дни.

Федор Волков пригодился, когда по случаю коронации Екатерины II в Москве, на площади был назначен праздничный маскарад. Дело было ранней весной 1763 г.

Волков, руководивший постановкой, простудился и вскоре умер.

Интерес городской публики к театру становился все более широким. Огромное значение для развития русского театрального искусства имело увлечение театром в дворянской среде. В столичных домах, в загородных имениях богатых графских и княжеских семей появляются крепостные театры. Например, домашний театр на 400 зрителей был устроен Н.Б. Юсуповым в его имении Архангельское. Своей труппой славился домашний театр графа А.Р. Воронцова. Но, пожалуй, самым значительным был театр графов Шереметевых.

Крепостные Аргуновы в русской живописи

С поддержкой Шереметевых связана деятельность замечательных русских художников Аргуновых. Все они были крепостными графа. О деятельности архитектора Федора Семеновича Аргунова было написано выше. Известен живописец Федор Леонтьевич Аргунов. Иван Петрович был портретистом, а его сыновья Николай, Яков и Павел, соответственно, живописцем, рисовальщиком, архитектором. Граф Петр Борисович поощрял крепостные таланты, именно он стал патроном Ивана Петровича Аргунова, а Николай Петрович освободил его и его сына Якова от крепостной зависимости.

В усадьбе Кусково находятся несколько портретов работы Николая Аргунова. Особенно привлекает портрет Прасковьи Ивановны Жемчуговой, возлюбленной графа. Это ее посмертный портрет. Николай Петрович заказал его художнику, который с молодых лет знал и любил Прасковью. Именно хорошо зная ее печальную судьбу, Аргунов не хотел делать портрет традиционно парадным. По просьбе графа Параша изображена «в положении». На груди – портрет Николая Петровича. Эти детали были нужны графу для подтверждения «благородного» и законного происхождения его сына. Но какое у нее печальное лицо, какие грустные глаза!

В плеяде русских художников-портретистов XVIII в. выделялись три фамилии: И.Я. Вешняков, А.П. Антропов и И.П. Аргунов. Они внесли большой вклад в развитие портретного искусства. Но самый яркий след в этом жанре оставил Иван Петрович Аргунов (начавший как иконописец). Портреты Аргунова 50-х годов показывают, что он овладел стилем западноевропейского парадного портрета, но пошел дальше. Он изображает Варвару Алексеевну в непринужденной позе, с ясно выраженным надменным характером и, в то же время, с умным лицом, легкой улыбкой на губах.

В 1753 г. сама Екатерина II оказала художнику «милость» и заказала ему свой портрет. Несмотря на требуемую парадность, художнику и здесь удалось

сохранить жизненность образа.

Но лучше всего талант художника проявился не в парадных, а в «камерных» портретах, написанных с обитателей шереметевского дома. Посмотрите, какие живые блестящие глазки у девочки-калмычки. Это самое раннее (1767) изображение крепостной в русском искусстве. И им выполнен ряд подобных работ: портрет крестьянки, портрет старухи Лазаревой, помещиков Хрипуновых. По распоряжению императрицы Ивану Аргунову в учение были отданы трое художников: Лосенко, Головачевский, Саблезков. Впоследствии Лосенко стал в России основателем исторического жанра, школы рисования. По его рисункам учились многие поколения художников вплоть до наших дней.

Использована литература:

История русского искусства. Т. 5. Изд. Академии наук СССР, 1960.

Мировая художественная культура. ООО «Издательство МХК». М., 2002.

НИКОЛАЙ ПЕТРОВИЧ

1751 – 1809

Варвара Алексеевна принесла Петру Борисовичу двух дочерей – Анну и Варвару, и сына Николая, который и стал продолжателем графской линии в Кусково.

Николай Петрович родился в 1751 г. в Санкт-Петербурге, в доме на Фонтанной улице (когда отцу было тридцать восемь лет). Там он был и крещен. Для повышения образования Петр Борисович отправил своего сына в Европу. Николай Петрович не только не потратил времени своего даром, но много преуспел в учении. Занимался в Лейденском университете, изучал постановку театрального дела, музыку, общался с деятелями европейской культуры.

А тем временем в Кускове появилась семилетняя Параша Ковалева, дочь кузнеца из деревни Березино Ярославской губернии. Управляющий Шереметева отобрал ее среди других девочек и мальчиков, которые были бы «ликот приятны и видом не гнусны», хорошо танцевали и пели, для театральной труппы. Здесь дети изучали нотную грамоту, углубленно занимались музыкой, пением. К Параше «были приставлены учителя, в числе которых были и иностранцы; для сценического искусства ей была дана наставница, Т.В. Шлыкова, неизменный друг Параша до гроба [21]. Учитель-итальянец сразу понял одаренность маленькой черноглазой девочки и восхищенно говорил: «Зачем учить соловья пению?» [29].

Вернувшись из-за границы Николай Петрович приступил к государственной службе. Он служил Отечеству и государям добросовестно, как подобало Шереметевым, и занимал посты, соответствующие его уму и статусу. При императрице Екатерине II граф был назначен сенатором, а император Павел I тотчас по воцарении назначил друга своего детства обергофмаршалом, возложив

на него «тяжелую задачу преобразовать двор и устранить злоупотребления». В течение десяти лет Н.П. Шереметев занимал пост директора Московского Дворянского банка. С 1798 г. вплоть до своей отставки в 1800 г. участвовал в Особой комиссии, которая занималась принятием русских дворян в Орден Мальтийских рыцарей.

А в Кусково он вплотную занялся театром. «Молодой граф привез танцоров из Парижа, итальянских певцов из Рима, книги по театру... Николай Петрович сам назначал актрис, сам разучивал с ними роли... был и музыкальным руководителем, и режиссером, и сценаристом. Под властным его крылом выросло целое поколение крепостных актеров, музыкантов, художников, танцоров, композиторов» [30].

Об их профессиональном уровне можно судить хотя бы на примере крепостного композитора Степана Аникиевича Дегтярева. В семилетнем возрасте, еще при Петре Борисовиче, он был зачислен в кусковскую капеллу. Обучался в певческой школе при капелле, позднее посещал лекции в Московском университете по итальянскому языку и русской словесности. Брал уроки композиции у итальянского композитора Дж. Сартти. С 1790-х гг. он сам становится дирижером и музыкальным руководителем шереметевской капеллы. Дегтярев – продолжатель традиций Д.С. Бортнянского, автор духовной музыки. Наиболее значительным его сочинением является оратория «Минин и Пожарский, или Освобождение Москвы» (на либретто Н.Д. Горчакова) – первый в России образец такого жанра. Впервые оратория была исполнена 9 марта 1811 г. в Москве, затем с большим успехом в 1818 г. в Колонном зале Благородного собрания, в канун открытия памятника К. Минину и Д. Пожарскому. Шереметев неоднократно обещал Степану вольную, но так и умер не сделав этого. Распродав большинство своих рукописей композитор умер в нищете. Официальная вольная была дана ему через два года после смерти [4].

Парашина премьера состоялась в опере Гретри «Опыт дружбы», 22 июня 1779 г. К кусковскому дворцу подъехали золоченые кареты, экипажи, гости в парадных мундирах, дамы с невиданными прическами... В программке молодая артистка была объявлена как Прасковья Ивановна Жемчугова. Молодому графу давно приглянулась эта необычная талантливая девушка, и он дал ей особенную сценическую фамилию. В числе других капитальных ролей она была особенно хороша в «Семнитских браках», где играла роль Элианы в блестящем рыцарском наряде средних веков и в шлеме. Еще долго в театре сохранялась классическая колесница о двух колесах, на которой Параша выезжала на сцену [21]. Екатерина II, будучи в Кусково на этом спектакле, наградила Парашу за великолепное исполнение бриллиантовым перстнем.

Параша полюбилась графу. Не желая скрывать своего чувства он поселил девушку во дворце, чем вызвал вражду и ревность других фавориток. Он делает ей дорогие подарки. А Параша так нежна, полна такого очарования! Между тем

она проявляет немалую твердость характера, иногда укрощая графа, вступаясь за наказанных. «Граф в Параше встретил действительно редкую и высокую душу, и любовь его скоро сделалась страстью, постоянной и единственной. Живя с нею, граф с каждым часом совершенствовался и возвышался и не мог того не чувствовать. Он расстался с прежними мелкими страстями и увлечениями, постепенно бросил охоту, забыл праздную жизнь, предался сценическому искусству, распространил и усовершенствовал школу, покровительствовал художникам» [21].

В 1790 г. Николай Петрович построил недалеко от театра дом, в котором жил вместе с Парашей. В доме все было просто, и единственную роскошь представляли картины графа [21]. Девять лет влюбленные жили здесь в тиши и уединении, между природой и искусством. Однако, разница в их общественном положении, понимание безысходности их любви разрывали душу Параше. Злые разговоры, сплетни отягощали их жизнь в Кусково. И в конце концов граф распорядился об отъезде в Останкино. Там он строит новый театр.

Шереметевский дом в Останкине был выстроен по плану знаменитого архитектора Кваренги, но несколько изменен Казаковым по вкусу графа. Этот дом по убранству и роскоши представлял целый музей: масса бронзы, гобеленов, художественных статуй, картин, венецианские зеркала, мебель с инкрустациями. Нижний этаж был обитаем, верхний же представлял великолепный театр. Кусковский театр «был запечатан в 1800 г. и после пятнадцатилетнего своего процветания покинут [21]. Театральную труппу перевели в Останкино. И снова – блестящие премьеры, блеск бриллиантов в зале, сановные гости, августейшие особы, аплодисменты, успех. В Останкине театр был только «домашний», допускались только избранные, меньше было огласки, больше свободы для главной героини.

Но после спектаклей Жемчугова опять оставалась крепостной любовницей. «Горделивая женщина терзалась душевными муками, винила себя в греховной связи... После долгих хлопот Николай Петрович получил наконец разрешение на брак» [30]. 6-го ноября 1801 г. в церкви Симеона Столпника на Поварской улице состоялось бракосочетание Николая Петровича и Прасковьи Ивановны. (Так считается и так написано во всех имеющихся публикациях. Но во время работы над данным материалом автор узнал от А.И. Алексеевой, что в архивах обнаружена метрическая книга церкви Николая Чудотворца, что у каменного моста. В ней записано, что бракосочетание состоялось в этой церкви. Историкам предстоит решить эту загадку).

Венчание было скромным, почти тайным. Только самые близкие и, конечно, Татьяна Шлыкова. Из церкви – сразу на Воздвиженку, в родовое «гнездо». «Стол уже накрытый Таней, мгновенно уставленный красивой посудой, бокалами, разной снедью... Неузнаваемая его нареченная! Сошла с губ всегдашняя печальная улыбка, – она сияла, сдержанно улыбаясь и мерцая черными глазами. Граф услужлив, внимателен, подает бокалы с вином, фрукты... Взял Жемчужинку

за руку, посадил на колени и запел что-то по-французски... В этот вечер он был необычайно хорош, Пашенька любовалась его серыми глазами, задорным выражением лица, а любимые брови показались даже «веселыми»...

«Соловушка» перебирает струны арфы. Граф глядит на нее, а в голове его проносится чуть не вся жизнь. Богат и знатен Шереметев, и нет над ним никакой власти, кроме воли царя, да и от него Шереметев бежит. Но разве не тягостно, не мучительно собственное своеволие? Она, одна она возымела каким-то чудом над ним власть. Как – он и сам не знает. Вокруг – жаждущие внимания дамы, их дочери, ищущие богатого жениха... Но ради вот этой улыбки, тихой, полудетской, чуть смущенной (по сию пору!) готов он если не властвовать собою, то хотя бы поддаваться ее воле, ее власти. Любовь ее – лечение его недугам» [31].

На Воздвиженке* они провели, быть может, самые счастливые свои дни. Но не долгие. По распоряжению государя Шереметевым пришлось вернуться в Петербург.

В доме на Фонтанной начался самый печальный период жизни Жемчуговой-Шереметевой. Она в одиночестве бродила по мраморным лестницам дворца. Граф избегал ее появления в обществе, хотя сам вынужден был помимо деловых встреч присутствовать на великосветских приемах и балах. С Парашей была только верная Таня Шлыкова. Незаметно у графини развилась чахотка.

Единственным желанием ее в последние годы было подарить графу наследника. Да и граф давно думал об этом. Когда она забеременела, врачи предупреждали о возможных нежеланных последствиях. Но Параша молилась и жила надеждой. «От нее, будущей матери, теперь шел какой-то необычайный свет, покой.

– Николаша, ты разрешишь мне поехать на богомолье?

– Нет, милая. Зачем подвергать себя опасности?

– Но, душа моя, ведь в Ростове Великом жил Дмитрий Ростовский... Ты сказывал мне, что с ним вместе в Киевской духовной академии учился твой дед. Значит, родной это тебе человек... Если ему поклониться, ему помолиться с душой – все будет хорошо» [31].

На шестом месяце, по зимнему пути она с Танюшей отправилась в Ростов Великий в Спасо-Яковлевский монастырь, где Николай Петрович в 1795 г. построил собор в честь святителя Дмитрия Ростовского, помолиться о счастливом разрешении.

3-го февраля 1803 г. в «Фонтанном доме» родился мальчик, названный Дмитрием. Ровно через двадцать дней, 23-го февраля, она скончалась. Граф добился того, чтобы супруга его была похоронена в усыпальнице Шереметевых в Александро-Невской лавре.

Забываясь о признании своего сына законным наследником графского титула, Николай Петрович делал все возможное, чтобы «доказать» благородное происхождение своей супруги. По его заданию один из чиновников поехал в Польшу и привез оттуда «документ» о происхождении Ковалевой из шляхетского рода Ковалевских. Теперь – срочную депешу Александру I о том, чтобы дано ей

было разрешение на титул графини! И такое разрешение было получено... через несколько дней после кончины Параши. А своему художнику Николаю Аргунову он велел написать портрет «графини» перед родами. Это должно было засвидетельствовать «законнорожденность» наследника.

Печали графа не было конца. Будто душу из него вынули. Всю свою волю он сконцентрировал на выполнении завещания своей супруги. По ее наказу в Москве, на Сухаревке, возводился Странноприимный дом: церковь, богадельня, лечебница. Сюда по завету бывшей крепостной следовало принимать бесплатно лиц обоего пола и всякого звания, содержать 50 человек в богадельне, 50 – в больнице, ста бедным невестам на Фоминой неделе дарить приданое.

После смерти графини Кусково совсем оскудело – граф еще при ее жизни перевел все отсюда в Останкино. Даже зверинец графа оскудел – все ценные его олени перебраны к столу, а борзые и гончие, как и охотничьи наряды, были проданы разным лицам, славившимся в ту пору охотой [21].

Николай Петрович скончался в Петербурге 2-го января 1809 г.

* Дом Шереметевых на Воздвиженке был построен рядом с Кремлевской стеной еще Борисом Петровичем. Ходит легенда, что в закладке дома участвовал государь Петр. Дом этот – настоящий дворец, широкие лестницы, залы, лепные украшения которого соответствуют высокому положению его хозяев. Здание, сложное в плане, своим трехэтажным крылом тянется вдоль Романова переулка. Перед главным входом был разбит сквер, занимавший угол Воздвиженки и переулка. К сожалению, дом и сквер теперь закрыты зданием кремлевской больницы, а в графском дворце еще недавно размещался медицинский центр Управления делами Президента.

ДМИТРИЙ НИКОЛАЕВИЧ

1803 – 1871

«После смерти графа Николая Петровича Кусково среди прочего наследства перешло его сыну Дмитрию Николаевичу, не имевшему в то время шести лет от роду. Мальчик жил в Петербурге. Его опекуны во время долгой опеки все свозили, уничтожали и продавали даже с аукциона все движимое имение, все памятники, постройки, здания, сооружения и проч., прикрываясь недостатком средств для штата. Нашествие французов на Москву в 1812 г. им пришлось тоже кстати. Ссылаясь на посещение неприятелем подмосковных имений Шереметева, они исписали огромные списки вещей, будто бы расхищенных или уничтоженных французами» [21].

Повзрослевший Дмитрий Николаевич, как и полагается людям его круга, был зачислен на государственную службу в гвардию, стал кавалергардом. Сведения о

его жизни исследователи почерпывают главным образом из записок его сына, Сергея Дмитриевича. Мы же снова обратимся к книгам А.И. Алексеевой. «Дмитрию рано открылась чужая боль от того, что через двадцать дней после рождения он потерял мать, а через пять лет – отца. Он был необыкновенно чуток ко всякому проявлению сочувствия и расположения. Простота и всего более ласковый привет привлекали его. Сухость и холодность его сжимала, самонадеянность коробила, а заносчивости он не выносил. Он был вспыльчив и в то же время смешлив. Музыкальный слух был необычайно чуток. Сам занимался музыкой».

Музыкой освящена и женитьба Дмитрия Николаевича. Единственный и богатый наследник, завидный жених, красивый и статный, он пришелся по вкусу дочери Александра I. «Царь уже склонялся к этой женитьбе, но граф решительно уклонился... Избранницей его стала дальняя родственница, редкостная красавица и прекрасная музыкантша Анна Сергеевна Шереметева. Главное же то, что она была человеком прекрасных душевных качеств... Анна Сергеевна и ее сестра Елизавета, будучи за границей, брали уроки музыки у Шопена, и он даже посвятил Анне Шереметевой свое сочинение «Листок из альбома». Теперь в доме Шереметевых еще чаще звучала музыка. Здесь не раз бывал приезжавший в Россию Лист.

«Новый царь Николай I сначала приблизил графа к себе, сделал флигель-адъютантом и уже благосклонно поглядывал на его жену. Однако затем произошло охлаждение в их отношениях. Граф отказался от придворной карьеры, и последовала отставка, разрыв с двором».

Обладая богатейшим состоянием Дмитрий Николаевич не тешил себя лишней роскошью, жил скромно, но много денег раздавал нуждающимся, занимался меценатством. «В петербургском доме он занимал почти всегда одну только комнату. Перегородка отделяла его кабинет от уборной. Убранство комнаты было самое простое. Выезжал он очень редко, избегая кареты и саней, но ходил ежедневно и много. Брал всегда деньги для раздачи бедным, заходил в церкви и часовни, и его везде знали» (из записок его сына).

Дмитрий Николаевич «особенно активно опекал художников», певцов, музыкантов. С его именем связано творчество прославленного русского портретиста Ореста Адамовича Кипренского (1782 – 1836). Кипренский работал в период, когда в искусстве и литературе господствовал романтизм. На его творчество повлияли настроения передового дворянства пушкинской поры. Языком живописи Кипренский передал лучшие черты людей своего времени, раскрытые в поэзии Жуковского, Батюшкова, Дениса Давыдова, Пушкина. Душевный мир человека в портретах Кипренского светел и возвышен. Таковы портреты поэта Жуковского, Ростопчиной, Е.В. Давыдова, Пушкина. Кстати, портрет Пушкина был написан в доме Шереметева на Фонтанной, где художнику была выделена комната. За счет Шереметева Кипренский ездил в Италию. В Шереметевском имении Покровское начала свое музыкальное образование

семья Булаховых. Уроженцы Покровского, они были участниками оркестра и хора, а впоследствии прославились как композиторы и певцы. Последний из Булаховых, Петр Иванович, окончил свою жизнь в Кускове в конце 70-х годов. Крепостной мальчик из села Борисовки Гаврила Ломакин, участник шереметевской капеллы, стал педагогом и композитором, проявил даровитость в организации бесплатных музыкальных занятий. Д.Н. Шереметев снабжал его деньгами, и благодаря их союзу в России основалась бесплатная музыкальная школа.

«В доме всегда был хор, созданный еще Николаем Петровичем и управляемый тогда Дегтяревым. Исстари давались особые духовные концерты, и шереметевские певчие славилась. Все иностранцы, бывавшие в Петербурге, слушали этот хор. И у многих тогда билось сердце и пробегали мурашки!..»

В 1844 г. Анна Сергеевна родила сына, которого называли Сергеем. Летом она любила жить с ним в Кускове, наслаждаясь уединением среди причудливых лип и зеркальных вод. Здесь по неизвестным причинам она скоропостижно умерла в 1849 г. Дмитрий Николаевич не вел никакого расследования. Вера в Бога смиряла его с горестями жизни.

С приходом к власти Александра II положение Шереметева изменилось, он снова приблизился ко двору. «В 1856 г. перед коронацией император приезжал говеть и молиться именно в Останкино, к Шереметеву. Когда же вышел Указ об отмене крепостного права (1861 г.), то именно здесь, в Останкине, Указ этот был подписан» [29].

Важнейшим делом жизни Дмитрия Николаевича являлось выполнение завета его матери – благотворительная деятельность странноприимного дома. К этому он прибавил еще одно благотворительное учреждение: по завету своей жены Шереметев построил рядом с усадьбой богадельню для своих престарелых служащих. Анна Сергеевна оставила деньги специально на содержание этого дома.

Свои последние годы «Дмитрий Николаевич провел в одиночестве в Кускове, жил напряженной внутренней жизнью, отдаваясь искуплению, покаянию. Но он никогда не оставлял меценатской деятельности – всем просившим раздавал свои богатства. Здесь же в Кускове он и скончался: ступил на порог кабинета – и упал». Случилось это 12 сентября 1871 г.

Похоронен в Александро-Невской лавре рядом с отцом и матерью (из записок сына).

СЕРГЕЙ ДМИТРИЕВИЧ

1844 – 1918

Сергей Дмитриевич Шереметев – последний владелец Кускова, впрочем, как и всего шереметевского состояния. Ибо ему было суждено встретить страшное

время Октябрьской революции 1917 г. За свою жизнь ему удалось сделать очень многое, в частности, пополнить славный список шереметевских «дворцов культуры» усадьбой Остафьево.

В 1868 г., в двадцать четыре года, Сергей Дмитриевич, – блестящий офицер в чине штабс-ротмистра, занимавший должность адъютанта в Кавалергардском полку, женился на девятнадцатилетней Катеньке Вяземской. Они прожили вместе 50 лет, воспитав семерых детей. Но это было потом... А вскоре после свадьбы молодые отправились в заграничное путешествие.

Они побывали в Берлине, Дрездене, Вене, Женеве, Париже и других европейских городах, где знакомились с сокровищами мировой культуры – памятниками архитектуры, музеями. Думается, что романтически окрашенные впечатления именно от этой поездки способствовали формированию общего для их понимания ценности и самобытности русской культуры, необходимости сохранения ее памятников для будущих поколений [32]. Эта идея стала делом их жизни.

Главную роль здесь сыграли культурные традиции их семей, та среда, в которой им довелось расти и объединившее их Остафьево.

Род Вяземских вел свою родословную от князей смоленских, а те, в свою очередь, от потомков Рюрика. В конце XVIII в. князь Андрей Иванович приобрел усадьбу Остафьево. Последними ее владельцами (после Ляпуновых, Львовых, Апраксиных, Голицыных) были фабриканты Матвеев и Сухарев, построившие здесь текстильную фабрику. А.И. Вяземский благоустроил усадьбу, построил новый двухэтажный дом с открытыми галереями, соединяющими дом с двумя флигелями. Этот дом постепенно становился хранилищем прекрасной семейной библиотеки, произведений живописи, прикладного искусства. Сюда к хлебосольным хозяевам приезжали гости, друзья, составлявшие славу русской культуры. В течение многих лет с 1804 по 1815 гг. здесь жил и работал над «Историей государства Российского» Н.М. Карамзин.

Наиболее популярной усадьба стала при сыне Андрея Ивановича – князе Петре Андреевиче. К нему, известному поэту, приезжали В.А. Жуковский, К.Н. Батюшков, Е.А. Баратынский и многие другие. Трижды гостил его друг А.С. Пушкин. Здесь звучали новые стихи. На память хозяевам оставались писанные тут же портреты гостей, записи в альбоме, свежеезданные книги. Маленький Павлуша, сын Петра Андреевича, надолго запомнил с каким азартом он играл со «взрослым» Пушкиным в «неприличные игры»... Павлуша вырос. Выросли его дети и среди них – Катенька, впитавшая семейные предания об Остафьеве и людях, живших и гостивших в этой усадьбе, впитавшая дух культурной жизни семьи, уважение к семейным архивам и духовным сокровищам. Уже в первой половине 1870-х гг. Екатерина Павловна стала помощницей отца и первой читательницей его книги «Замечания на «Слово о полку Игореве» [32].

К моменту свадьбы Екатерины Павловны и Сергея Дмитриевича Остафьево принадлежало одному из ее братьев. Его материальное положение ухудшалось, и он решил продать усадьбу. Граф Шереметев не мог допустить разорения столь

знатной обители русской духовности и выкупил Остафьево. Теперь вместе с молодой графиней он восстанавливал дом, разбирал и изучал семейный архив. Он создавал Остафьево не просто как жилой дом, а как музей, очаг культуры для будущих поколений.

К 100-летию со дня рождения А.С. Пушкина Шереметевы открыли в усадьбе для всеобщего посещения комнату-музей Пушкина. Это был один из первых в России музеев, связанных с именем поэта. «На средства Сергея Дмитриевича они выпустили открытки с видами усадьбы и интерьеров дома, 12-томное собрание сочинений П.А. Вяземского, пять томов «Остафьевского архива князей Вяземских». В 1911 – 1914 гг. Шереметевы установили в усадебном парке памятники Н.М. Карамзину, В.А. Жуковскому, А.С. Пушкину, П.А. и П.П. Вяземским» [32]. И сегодня эти памятники украшают парк. Вы их увидите, если по дороге к Подольску сойдете на станции Щербинка и на маршрутке доедете до Остафьева.

Сергей Дмитриевич, человек прогрессивного ума, верил в великое предназначение России. «В его вотчинах вводились новые, передовые методы хозяйствования, он умел находить умных, знающих управляющих. Когда в стране начался промышленный подъем, взялся за развитие ткацкого дела в Иваново и его окрестностях. Занимался развитием церковно-приходских школ». Для обмена опытом ведения сельского хозяйства он много лет организовывал выставки-ярмарки домашних животных и птиц. Страстью графа Шереметева было собирательство, исследования по истории, этнографии, народному творчеству, иконописи, археологии. Он стал председателем «Общества любителей древней письменности», основанного отцом Екатерины Павловны в 1877 г., членом двух археологических обществ, почетным членом Академии художеств.

«Поставленный самим рождением рядом с царем, он стал флигель-адъютантом при Александре II, участвовал в Русско-турецкой войне и, хотя относился к нему без пиетета, тяжело пережил покушение и смерть императора».

Более дружен был с Александром III и особенно с его женой. Августейшая чета с цесаревичем Николаем Александровичем и другими членами дома Романовых даже однажды приехала посмотреть древнюю шереметевскую вотчину. Это было в мае 1886 г. По прошествии некоторого времени граф Сергей Дмитриевич описал этот приезд в своих воспоминаниях, которые мы и представляем читателю.

«День, назначенный для посещения Кускова, совпадает с годовщиной коронации. Это было 15 мая 1886 г. В этот день государь посетил Московский университет, и оттуда в экипажах должны были выехать к Рязанскому шоссе. Крестьяне села Выхино с деревнями ожидали с хлебом-солью у церкви Вешнякова. Сюда и я приехал для встречи на границе имения. Государь приехал с императрицей, цесаревичем, великим князем Георгием, великим князем Алексеем и небольшой свитой, сопровождавшей его на юг. Семья была в возможно полном сборе, о чем был заблаговременно государь предупрежден. В Вешнякове ожидать пришлось

недолго.

Скоро пыль на дороге возвестила приближение царского поезда. Ряд экипажей вереницею показался вдаль, и впереди всех государь. В Вешнякове он вышел из экипажа, приложился ко кресту, вынесенному местным священником, отцом Зверевым, принял хлеб-соль; поговорив ласково со всеми, двинулся далее к Кускову. Вдоль всей дороги высыпали дачники, и зрители стояли сплошной стеной до поворота в Кусково. Я просил О.О. Ламкерта для оживления пейзажа сесть в парусную лодку и лавировать вдоль берегов. Государю это передали, и эта мысль его очень забавляла.

У кусковской церкви все вышли из экипажей и вошли в церковь, где было краткое приветствие, молитвословие и многолетие. Оттуда пешком по красному сукну все направились в дом. В дверях я встретил его с хлебом-солью на золотом блюде без всяких украшений, на нем была только надпись «Кусково. 1886». Было 13.02 часов дня, когда они вошли в дом. Трудно мне описывать подробности этого дня, и притом на расстоянии стольких лет. Тогда же И. П. Барсуков, один из зрителей, составил всему обстоятельное описание с точностью камер-фурьерского журнала. Скажу только, что государь в Кускове отдохнул от городской пыли и представительства, что он чувствовал себя хорошо и был в лучшем расположении духа. Благодушие его не было пределов. Прежде всего, позавтракали в Большой столовой с простреленными французами в 1812 г. портретами. Потом осмотрели подробно дом и пошли в сад. Здесь государь внимательно обошел все здания сада, на все обращая внимание как любитель и ценитель старины и искусства. Все время приходилось давать ему объяснения, и он оживленно расспрашивал и поддерживал разговор. Подходя к Итальянскому дому, он увидел стоявшего в дверях Снежникова, старого слугу моего отца, который радовался, что дожил до такого дня. Я предупредил государя о старике, и он остановился и ласково говорил с ним. Около Голландского дома государь посадил дуб, около него такой же дуб посадили императрица и цесаревич.

Когда окончилась прогулка, государь вернулся в дом и в оживлении сумерек еще раз осматривал дом. Государь остановился в комнате, что рядом с спальней. Там жила тетушка Екатерина Сергеевна Шереметева. Он сел у окна, откуда вид на Московскую дорогу и на подъемный мост, и, чувствуя полное благодушие, начал разговаривать так добродушно, просто и приветливо, что все мы почувствовали что-то родное и близкое в этом человеке.

После ужина они простились и тем же путем направились в Москву. По-видимому, Кусково оставило доброе впечатление, и не раз государь вспоминал об этой поездке, и по словам его видно было, что он очень остался доволен. К надписи на Екатерининском памятнике прибавилась другая: в память посещения Александра III через сто лет после посещения Екатерины”.

24 мая 1896 г., через несколько дней после коронации Императора Николая II, «Кусково было осчастливлено вторым посещением супруги Александра III Марии Федоровны. С нею прибыли: брат ее наследный Принц Датский Фридрих,

Великий Князь Михаил Александрович и Великая Княжна Ольга Александровна. Это посещение было тем дороже, что они собирались возвращаться в Петербург, и времени до отъезда оставалось немного» (из записок С.Д. Шереметева).

Что касается Николая II, то граф знал его с детства и был единственным из окружения, говорившим царю «Ники» и «ты». И он хорошо видел недостатки правления, новое смутное время и понимал, что удержать народ способны лишь те правители, которые следуют не просто приказам министров, а высшей власти, Божьей воле, мысли о стране, о ее людях. В 1912 г., незадолго до торжеств 300-летия дома Романовых, он приходит к решению уйти от дел и подает рапорт об отставке.

«Беды России виделись ему в невежестве, бескультурье, в бесхозяйственности внизу – и в том, что на командные посты то и дело назначаются люди, лишенные знаний, ума и совести. Трезво оценивал Сергей Дмитриевич и сам народ: там, где немец просто выполнит предписание, русский ждет указки, напоминания, а законы и распоряжения не выполняет даже с каким-то особенным сладострастием. Выход виделся ему в постепенном приобщении к культуре, в выдвигании из народа людей умных, талантливых» [29].

Экономические и социальные изменения уклада русской жизни вплотную подошли и к тихой Кусковской усадьбе. Когда-то отцу его пришлось отвести по границам своих угодий полосы для прокладки железных дорог. Теперь по этим дорогам люди приезжали в поисках летних дач или участков для строительства своих домов. Сосед Торлецкий сдавал дома на своем участке кое-кому из приличных людей. Постепенно и Сергей Дмитриевич понял, что неразумно отказываться от денег, когда их тебе предлагают, тем более что людям это облегчит жизнь. Он отдал своему управляющему соответствующие указания, и постепенно участки за Вешняковским шоссе и около платформ начали заселяться. Но об этом мы продолжим в следующем разделе.

1917 год. «Закрываются банковские счета, национализированы фабрики, разорены имения, дворцы. Стали пропадать люди: вечером – обыск, днем – допрос, ночью – пуля в затылок. «У нас нет настоящего, но зато есть прошлое, и его надо сохранить во имя будущего», – говорил Сергей Дмитриевич. Теперь он был озабочен тем, чтобы сохранить созданное предками, не дать погибнуть Кускову, Остафьеву, Останкину...». «Бывший» граф энергично выходил на контакты с новыми советскими организациями, чтобы официально сдать под их попечительство накопленные культурные ценности. Еще перед войной в Кускове много писал художник С.Ю. Жуковский, знавший и ценивший пушкинскую эпоху. Его и В.Н. Мешкова по настоянию графа ввели в Комиссию по охране культурных ценностей. Вместе с ними он взялся за составление описей дворца. Он просил установить дни и часы для посещений Кускова, превращающегося практически в музей [29].

Осенью 1918 г. у Сергея Дмитриевича открылась гангрена ног. Уже несколько раз

в их дом на Воздвиженке приезжали чекисты с обыском, и, видимо, только плохое самочувствие спасло его от ареста. К концу ноября ему стало совсем плохо... 4 декабря 1918г. по заснеженным улицам Москвы на простой телеге гроб с телом С.Д. Шереметева родственники увезли на кладбище Новоспасского монастыря. Там была усыпальница Романовых и Шереметевых. Но – увы! «Монастырь к тому времени превратили в концлагерь, усыпальница была разграблена, разворочена. Могилу для последнего графа вырыли у стены монастыря. Фамилию умершего не написали – боялись»[29].

Справка о создании музея

В соответствии с постановлением Совета народных комиссаров от 23 октября 1918 г. был создан Государственный музей – усадьба «Кусково». В 1938 г. постановлением ЦИК музей-усадьба и музей фарфора были объединены [сайт kuskovo.ru].

1. ЖЕЛЕЗНЫЕ ДОРОГИ НА ГРАНИЦАХ РАЙОНА

Более развёрнуто, детально и в связи с жизнью территорий будущего большого Перовского района эта тема проработана в другой работе автора (Гиреево – Новогиреево... 2014 г.)

НИЖЕГОРОДСКАЯ И РЯЗАНСКАЯ ЖЕЛЕЗНЫЕ ДОРОГИ

Сегодня на карте Москвы территория района Вешняки смотрится треугольником, лежащим между линиями Горьковского направления Курской железной дороги (прежде – Нижегородской) на севере и Казанской (изначально Рязанской) железной дорогой на юге. Эти линии являются официальными границами района. Железные дороги обладают удивительным свойством: призванные соединять удаленные друг от друга точки они разъединяют все, что находится вдоль этих дорог. Они так сильно мешают жизни города, так агрессивно разрывают городские коммуникации, что неминуемо превращаются в границы, разъединяющие человеческие сообщества...

Московские железные дороги начали строить во второй половине XIX в.

Потребность в их строительстве лежала в хозяйственно-экономической и военно-политической сферах. Посудите сами: помимо волжского водного пути гужевые дороги были единственными транспортными артериями, обеспечивающими хозяйственную жизнь Российского государства. И уже давно, а тем более в этот период, «артериальное давление» в центральной России стало очень «высоким». В Москву, Петербург и другие центральные города тянулись сотни обозов с зерном, продуктами, сырьем для фабрик, гнали скот на бойни. Смешно сказать: на первые нефтеперерабатывающие заводы бакинскую нефть везли на подводах в

бочках. Из городов на периферию везли готовые промышленные товары, товары из Европы, станки и машины для новых заводов. Весной и осенью обозы застревали в грязи и на переправах. При этом надо было пропустить упряжки с государственными служащими и «важными» господами, фельдъегерскую почту. Поэтому из Москвы добирались до Рязани или Калуги за 5 – 6 дней, до Петербурга – за 15 – 18. Товар портился и терялся. Купцы и промышленники несли большой урон.

А в Европе уже функционировали железные дороги. Русские деловые люди, особенно те, кто бывал за границей, видели преимущества железнодорожного транспорта. «Чтобы перевезти, скажем, 20 тысяч пудов груза гужевым путем, требовалось 1 000 телег, 20 000 лошадей и 500 возчиков. На железной дороге это мог сделать состав примерно в 30 вагонов, который обслуживают 10 человек» [40]. А какой выигрыш во времени! Прямая экономическая выгода (о сохранении условий жизненного пространства тогда, как и сейчас, никто из получавших денежную выгоду не думал).

Но в департаментах царского правительства не спешили со строительством железных дорог. Семь лет потребовалось только для принятия решения о постройке железной дороги из Петербурга в Москву, которая открылась для регулярного движения в 1851 г. Правительство увидело необходимость такого строительства только благодаря проигрышу в Крымской войне 1853 – 1856 гг. Перевозить по российским просторам армию, вооружение, боеприпасы со скоростью телеги стало самоубийственным.

Но теперь казна была опустошена войной. И тогда была сделана ставка на частное предпринимательство и на внешние займы. Для привлечения деловых людей пришлось гарантировать им хорошую долю дохода и всевозможные привилегии (вам это ничего не напоминает из современности?). На таких условиях русские промышленники и купцы согласились вкладывать деньги в железнодорожное строительство.

Между тем в 1861 г. Александр II провел важнейшую для страны реформу, покончившую с крепостным правом. Крестьяне освободились от безысходной зависимости от своих помещиков, получили возможность (хотя зачастую несбыточную) выкупить свой земельный надел или, вовсе бросив его, уйти на промысел. Это привело к появлению десятков тысяч свободных рабочих рук и тысяч крестьянских семей, которые искали, чем бы заработать себе на жизнь. Этот же период времени был в России началом промышленной эры, временем становления крупного капитализма. Нарождающейся буржуазии было выгодно появление освобожденного (в том числе от своей кормилицы-земли) крестьянина, который становился даровой рабочей силой, и буржуазия способствовала таким государственным преобразованиям. Такая ситуация, в том числе, подтолкнула и строительство железных дорог: здесь было много тяжелой работы, не требовавшей квалификации.

Но вот одна загвоздка: в России не хватало своих специалистов-

железнодорожников. И снова пришлось приглашать знатоков из-за границы. А они ехали в Россию с одной целью – побольше урвать. Известно также, что один из видов контрибуции, заплаченной Россией Франции за поражение в Крымской войне, была передача ряда объектов железнодорожного строительства французам. «Начальником строительства первой линии Нижегородской магистрали – от Москвы до Владимира – был некто Помье, именовавший себя французским генералом. В действительности же, как потом писал журнал «Русская старина», Помье «был не более как отставной подпоручик, мало смыслящий в строительном деле» [40]. (Кажется, с веками стиль работы нашего правительства не меняется). Все земляные работы выполнялись вручную. На тачках перемещали десятки тысяч кубометров земли.

Труд этот, Ваня, был страшно громаден –
Не по плечу одному!
В мире есть царь; этот царь беспощаден,
Голод названье ему.

Он-то согнал сюда массы народные.
Многие – в страшной борьбе,
К жизни воззвав эти дебри бесплодные,
Гроб обрели здесь себе.

«Мы надрывались под зноем, под холодом,
С вечно согнутой спиной,
Жили в землянках, боролися с голодом,
Мерзли и мокли, болели цингой».

Прямо дороженька: насыпи узкие,
Столбики, рельсы, мосты.
А по бокам-то все косточки русские...
Сколько их! Ванечка, знаешь ли ты?

Н.А. Некрасов

Кроме того, сооружение магистрали велось со многими отступлениями от технических условий. Из доклада А. Дельвига, управляющего делами Министерства путей сообщения: «На большей части протяжения линии до Владимира верхнее строение пути было в самом безобразном виде: на некоторых участках было рассыпано весьма много балласта, на других же шпалы были положены на грунт. Шпал под каждым рельсом вместо восьми было по четыре, рельсы не выровнены, насыпи и выемки, по которым проходил путь, не имели достаточной ширины». И вот результат: первый же поезд, отправившийся из Москвы, потерпел крушение, не пройдя и ста верст [40].

Железная дорога Москва – Владимир, первая из московских дорог, была открыта для движения в июне 1861 г.

Какова судьба ее рядовых строителей, тех крестьян, которые превратились в рабочих? Мы ничего не знаем конкретно об их судьбах. Логично предположить, что, доведя ветку до границ Московского уезда, многие пошли вместе со стройкой дальше – на территорию Богородского уезда и так далее. Но ведь нужны были люди для обустройства и эксплуатации уже построенной части линии. Нужно строить платформы, станционные сооружения, отводные и сортировочные пути. Наверняка часть строительных рабочих осталась на территории нашего района. Люди получили какое-то жилье, обзавелись семьями. Вполне вероятно, что их дети и внуки стали железнодорожными рабочими – теми, чьи дома встали около станции Кусково, кто через 10 – 15 лет отводил ветку к хранилищам Кусковского нефтеперерабатывающего завода, кто примерно через 46 лет по ходатайству Торлецкого строил платформу Новогиреево. Может быть, будущие краеведы найдут достоверные ответы на эти вопросы.

Второй дорогой, выходящей из Москвы, была Московско-Рязанская железная дорога. Строительство началось в 1860 г. В июле 1862 г. поезда пошли до Коломны, а в 1864 г. – до Рязани.

Разрешение на производство изысканий и проектирование этой дороги получили приближенные к царскому двору помещик С. Юрьевич, генерал Н. Анненков, промышленник А. Жемчужников. В результате интриг, ссор между компаньонами Общество Московско-Рязанской дороги возглавил Карл фон Мекк. Но бывший председатель правления Общества фон Дервиз поручил проектирование дороги английским инженерам. А в Англии существовало левостороннее движение. Поэтому в отличие от всех других дорог участок Москва – Рязань был построен с расчетом на левостороннее движение [40], которое сохранилось до наших дней. Интересуясь судьбой людей, связанных со строительством железной дороги, ваш автор не мог устоять перед соблазном рассказать об удивительной связи нашей «Рязанки», ее строителя – инженера Карла фон Мекка и его сына Николая – с жизнью и творческой деятельностью П.И. Чайковского. Именно Николай Карлович построил в Перове вагоноремонтные мастерские, ставшие потом локомотиворемонтным заводом, крупнейшим предприятием района, позволившим ему обрести статус города. А доходы от эксплуатации железной дороги дали возможность Надежде Филаретовне фон Мекк несколько лет выплачивать П.И. Чайковскому хорошую пенсию.

БИЗНЕС И БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ СЕМЬИ фон МЕКК

В данной статье будем опираться на сведения, изложенные в работе Б.С.

Никитина [37], Л. Сидельникова [38] и Галины фон Мекк [39]. Издательство благодарно сотрудникам Государственного дома-музея П.И. Чайковского в Клину, в частности, Горбуновой Наталье Викторовне, за помощь в сборе материалов.

Карл Отто Георг фон Мекк происходил из старинного дворянского рода, идущего от силезского канцлера Фридриха фон Мекка, жившего в конце XV в. Карл Федорович, как его звали по-русски, родился в Риге в 1819 г. Оставшись после смерти отца совершенно без средств, он твердо решил выбиться в люди и получить высшее образование. В Петербурге окончил институт, получив диплом инженера путей сообщения. Был назначен инспектором строительства железных дорог в западной части России. Там, под Смоленском, он познакомился с семьей небогатого смоленского помещика Филарета Васильевича Фроловского и их дочь Надеждой Филаретовной.

Надежда Филаретовна родилась в 1831 г. Видимо от отца она «унаследовала музыкальные способности и, вероятно, по его же инициативе получила хорошее музыкальное образование. От матери, Анастасии Дмитриевны, дочке перешел сильный характер, умение управлять людьми, властность и независимость». Родители, видимо, нашли в Карле способного и основательного человека и поспешили устроить судьбу своей дочери. «Замужество совершилось в 1847 г. без особой любви к супругу, для которого она, тем не менее, делала все, что было в ее силах, и он был ей предан безмерно».

Через восемь лет после венчания у Надежды Филаретовны было уже пятеро детей. Карл Федорович служил в правлении Московско-Варшавской железной дороги, но его небольшое жалованье обеспечивало лишь скромное существование семьи. «Надежде Филаретовне приходилось быть одновременно кормилицей, нянькой, учительницей и швеей для своих детей, а также камердинером, бухгалтером, секретарем и помощником своего мужа». Поэтому она уговаривала мужа оставить государственную службу и заняться собственным делом. Карл Федорович был хорошим инженером. Он нашел денежного партнера Павла Григорьевича Дервиза, и вместе они взяли подряд на строительство Московско-Курской и Рязанской линий, получив исключительно выгодные условия от Министерства путей сообщения. «На этом деле было приобретено несметное богатство, как это часто бывает на новых предприятиях, пока еще нет конкуренции».

Среди других подрядчиков Мекк оказался не только более честным, но и более компетентным. Тогдашний главный инспектор железных дорог Андрей Иванович Дельвиг отмечал, что качество работ, производимых Мекком, отличалось в лучшую сторону от других подрядчиков, «экономивших на всем в целях получения максимальной прибыли».

Строительство и эксплуатация железных дорог давала хорошие доходы их владельцам. Его партнер П. Дервиз, нажив большое состояние, уехал в Италию, построил там себе дворец и жил в роскоши. У Карла фон Мекка тоже стало

достаточно средств, чтобы иметь несколько домов в Москве и имений, украшать их картинами и старинной мебелью, собирать книги и музыкальные инструменты. Но он не покидал Россию. При этом Карл Федорович участвовал во многих благотворительных мероприятиях и пожертвованиях, в том числе и на благо развития русской музыки. Наверное, именно к этому направлению благотворительности его подталкивала супруга. Ведь она любила музыку, жила ею.

В 1876 г. у Карла случился сердечный приступ, и в возрасте всего 57 лет он скончался.

Все коммерческие дела перешли к его старшему сыну Владимиру Карловичу (1852 – 1892). Когда он умер, дело возглавил Николай Карлович фон Мекк (1863 – 1929). В 1884 г. он оставил Училище правоведения, чтобы подготовиться к управлению железнодорожным концерном.

Ему шел тогда двадцать первый год. Он поработал кочегаром, затем машинистом и далее начальником станции. В двадцать пять лет его избрали директором и вскоре, после смерти старшего брата Владимира, председателем правления Московско-Казанской дороги, самой большой и наиболее процветающей частной железной дороги.

Надежда Филаретовна тяжело перенесла смерть мужа. После этого она замкнулась в себе, отгородившись от мира. Но остались дела железнодорожных предприятий, большая семья. Утешение она нашла в музыке. Ей она отдавала значительное время, сама играла на фортепиано. Надежда Филаретовна приглашала к себе в дом на постоянную службу талантливых музыкантов из консерватории и даже из-за границы, которые должны были играть ее любимые произведения. «Этим музыкантам она щедро платила, предоставляя им возможность заниматься музыкой по своим программам в свободное время». Они за ее счет сопровождали Надежду Филаретовну и в поездках по Италии, Франции, Швейцарии. Она оказывала поддержку Московской консерватории, Русскому музыкальному обществу.

В этот период она увлеклась музыкой Чайковского и очень хотела познакомиться с автором покорявших ее произведений. Его музыка утешала ее, исцеляла боль. Ведь еще совсем недавно Надежда Филаретовна пережила много горестей, разочарований, замужество без любви. Теперь у нее было одиннадцать детей. А ведь ей – всего сорок пять...

Однажды, увидев Чайковского в концертном зале и не решившись подойти к маэстро, она написала ему.

«Москва. 18 декабря 1876 г.

Милостивый государь, Петр Ильич. Говорить вам, в какой восторг приводят меня ваши сочинения, я считаю неуместным, потому что вы привыкли и не к таким похвалам. И поклонение такого ничтожного существа в музыке, как я, может показаться вам только смешным. А мне так дорого мое наслаждение, что я не хочу, чтобы над ним смеялись. Поэтому скажу только – и прошу верить этому –

что с вашей музыкой живется легче и приятнее. Примите мое искреннее уважение и самую искреннюю благодарность.

Надежда фон Мекк».

«Москва. 19 декабря 1876 г.

Милостивая государыня, Надежда Филаретовна! Искренне вам благодарен за все любезное и лестное, что вы изволите мне писать. Со своей стороны я скажу, что для музыканта среди неудач и всякого рода препятствий утешительно думать, что есть небольшое меньшинство людей, к которому принадлежите и вы, так искренне и тепло любящих наше искусство.

Искренне вам преданный и уважающий П. Чайковский».

«Москва. 16 марта 1877 г.

Вы совершенно правы, Надежда Филаретовна, предполагая, что я в состоянии вполне понять особенности вашего духовного организма. Смею думать, что вы не ошибаетесь, считая меня близким человеком. Подобно тому, как вы старались прислушаться к отзывам общественного мнения обо мне, я со своей стороны не пропускал случая узнать подробности о вас и о строе вашей жизни. Я всегда интересовался вами как человеком, в нравственном облике которого есть много черт, общих и с моей натурой... Меня нисколько не удивляет, что полюбив мою музыку, вы стремитесь к знакомству с ее автором... Я чувствую, что при более близком ознакомлении со мной вы бы не нашли того соответствия, той полной гармонии музыканта с человеком, о котором мечтаете... Теперь позвольте поблагодарить вас за те выражения любви к моей музыке, которыми так полно ваше письмо...

Искренне преданный вам П. Чайковский».

«Прислушиваясь к общественному мнению», Надежда Филаретовна узнала о денежных затруднениях молодого композитора. И она придумала не обидный для него способ материальной поддержки своего «благодетеля». Через знакомого ей бывшего ученика Петра Ильича она заказала композитору сделать переложения нескольких его произведений для скрипки с фортепиано и «щедро оплатила его работу». Потом такие заказы повторялись.

«Москва. 1 мая 1877 г.

Многоуважаемая Надежда Филаретовна!

Уже при прежних ваших музыкальных заказах мне приходило в голову, что вы руководились при этом двумя побуждениями. С одной стороны вам действительно хотелось иметь в той или иной форме то или иное мое сочинение, с другой стороны, прослышав о моих вечных финансовых затруднениях, вы приходили ко мне на помощь. Так заставляет меня думать слишком щедрая плата, которою вы вознаграждали мой ничтожный труд. Вообще в моих отношениях с

вами есть то щекотливое обстоятельство, что каждый раз, как мы с вами переписываемся, на сцену являются деньги. Положим, артисту никогда не унижительно получать вознаграждение за свой труд. Но ведь кроме труда, сочинение, подобное тому, какого вы теперь желаете, я должен вложить известного рода настроение, т. е. то, что называется вдохновением. А это последнее не всегда же к моим услугам. Тем не менее, в презренном металле я действительно очень нуждаюсь. Именно теперь, когда нужно скоро уехать, и перед отъездом обеспечить себе возможность возвращения, я попал в очень неприятное скопление денежных затруднений, из которых без посторонней помощи выйти не могу. Эту помощь я теперь решился искать у вас. Вы единственный человек в мире, у которого мне не совестно просить денег. Во-первых, вы очень добры и щедры, а во-вторых, вы богаты. Мне бы хотелось все мои долги соединить в руках одного великодушного кредитора, и посредством его высвободиться из лап ростовщиков. Если б вы согласились дать мне взаимобразно сумму, которая раз и навсегда освободила бы меня от них, я бы был безгранично благодарен вам за эту неоценимую услугу. Я почему-то уверен, что как бы вы не приняли это письмо, оно не может изменить вашего мнения о моей честности. В случае если паче чаяния оно не понравилось вам, прошу извинить меня. Я очень нервлен и раздражен все эти дни. И весьма может статься, что завтра я буду раскаиваться в своем поступке.

Искренне преданный и уважающий вас П. Чайковский».

Ну не нахал ли Петр Ильич?! Впрочем, читатель сам оценит мужское достоинство музыканта, который просит у женщины расплатиться по его долгам. Но Надежда Филаретовна пошла и на это. Позже она и вовсе «приняла решение высылать ему денежную субсидию в шесть тысяч рублей, которая сняла постоянные заботы Петра Ильича о заработке и практически обеспечила ему независимость в жизни и возможность идти своим творческим путем».

«Москва. 3 мая 1877 г.

...не могу выразить, как следует, мою благодарность. Вы мне очень, очень помогли.

Многоуважаемая Надежда Филаретовна, благодаря вам я начну теперь вести спокойную жизнь, и это, наверное, хорошо отзовется на моей музыкальной деятельности.

Искренне преданный и глубоко благодарный
П. Чайковский».

Их отношения прервались в 1890 г. по инициативе Надежды Филаретовны. Чайковский переживал этот разрыв как тяжелый удар. До самой смерти он сохранял память о Мекк, и ее фотография до конца жизни стояла на его письменном столе. Чайковский посвятил Надежде Филаретовне свою Четвертую

симфонию (1877) и негласно – Первую сюиту (1881).

* * *

Сегодня произведения Чайковского являются «золотым» фондом музыкальной культуры. Конкурс имени Чайковского собирает музыкантов со всего мира. Этому явлению культуры мы во многом обязаны семье фон Мекк и... Рязанской железной дороге.

2

© Copyright: Евгений Горский 2, 2022
Свидетельство о публикации №222011502092